Историко-философский ежегодник
2025. Т. 40. С. 509–558
УДК 1(091)

History of Philosophy Yearbook
2025, vol. 40, pp. 509–558
DOI: https://doi.org/10.21146/0134-8655-2025-40-509-558

ИНТЕРВЬЮ

«Сообщество очень много значит…» Беседа с Нелей Васильевной Мотрошиловой

Н.В. Мотрошилова

А.П. Козырев
МГУ имени М.В. Ломоносова
119991, Ленинские горы, ГСП-1, Учебно-научный корпус «Шуваловский», философский факультет, г. Москва, Россия
a.kozyrev@bk.ru

Аннотация. В основу публикации легла беседа Н.В. Мотрошиловой с доцентом философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова А.П. Козыревым (при участии Е.А. Калинина и А.Г. Богомолова) 16 июля 2004 г. Н.В. Мотрошилова вспоминает годы студенчества, когда закладывались те дружеские и интеллектуальные связи, которые послужили основой для ее научной деятельности. Речь идет об учителях (В.Ф. Асмус, П.С. Попов, Э.В. Ильенков, В.И. Коровиков и др.), формировании поля научного интереса, в частности начале работы по изучению феноменологии Эдмунда Гуссерля. Н.В. Мотрошилова рассказывает о работе над двуязычным собранием сочинений И. Канта, о своем интересе к русской философской традиции. Беседа показывает круг творческого общения Н.В. Мотрошиловой, в который входили крупнейшие отечественные и зарубежные философы – Юрген Хабермас, Т.И. Ойзерман, Э.Ю. Соловьёв, В.С. Стёпин, М.К. Мамардашвили и другие.

© Козырев А.П., 2025
© Мотрошилова Н.В., 2025

Ключевые слова: Московский университет, философский факультет, Институт философии, история философии, философское образование, шестидесятники, Гуссерль, Кант, Вл. Соловьёв, Мамардашвили

Для цитирования: Мотрошилова, Н.В. «“Сообщество очень много значит…” Беседа с Н.В. Мотрошиловой». Интервью А.П. Козырева. *Историко-философский ежегодник* 40 (2025): 509–558.

Поступила в редакцию: 10.08.25
Принята к публикации: 27.08.25

“Community Means a Great Deal…” A Conversation with Nelly Motroshilova

Nelly V. Motroshilova

Alexei P. Kozyrev
Lomonosov Moscow State University
119991, Leninskie Gory, GSP-1, Moscow, Russia
a.kozyrev@bk.ru

Abstract. The publication is based on an interview with Nelly V. Motroshilova conducted by Alexei P. Kozyrev, Associate Professor of the Philosophy Department at Lomonosov Moscow State University (with the participation of E.A. Kalinin and A.G. Bogomolov) on July 16, 2004. Motroshilova recalls her student years, when the friendly and intellectual connections were formed that later became the foundation of her academic career. The interview focuses on her teachers (V.F. Asmus, P.S. Popov, E.V. Ilyenkov, V.I. Korovikov, among others) and the formation of her research interests, particularly the initiation of her study of Edmund Husserl’s phenomenology. Motroshilova discusses her work on the bilingual edition of Immanuel Kant’s collected works and shares her interest in the Russian philosophical tradition. The interview reveals the circle of Motroshilova’s creative communication, which included prominent domestic and foreign philosophers such as Jürgen Habermas, T.I. Oizerman, E.Yu. Solovyev, V.S. Stepin, M.K. Mamardashvili, and others.

Keywords: Lomonosov Moscow State University, faculty of philosophy, RAS Institute of Philosophy, history of philosophy, philosophical education, “men of the sixties”, Husserl, Kant, Vladimir Solovyov, Merab Mamardashvili

For citation: Nelly V. Motroshilova. "'Community Means a Great Deal…' A Conversation with Nelly Motroshilova". Interview by Alexei P. Kozyrev. *History of Philosophy Yearbook / Istoriko-filosofskii ezhegodnik* 40 (2025): 509–558.

Received: 10.08.25
Accepted: 27.08.25

Встречи с Нелей Васильевной Мотрошиловой всегда были для меня событием: будь это ее публичная лекция для аспирантов, например, о том, какое место в истории философии занимает статья, или поход в театр. Есть люди, которые сразу располагают к себе – при том, что дистанция в общении и уважение сохраняются независимо от возраста, статуса и времени общения. Вспоминается первая встреча в 1986 г. Тогда я был студентом второго курса, и мои однокурсники подрабатывали дворниками: это позволяло иметь свое жилье, пусть и в старом, предназначенном под снос, жилом фонде. Сноса ждали годами, и ребята получали на время учебы свое жилье, причем с минимальными удобствами. В такую квартиру на Саввинской набережной (недалеко от мельниковского ДК завода «Каучук») Василий Голубев и Антон Петренко пригласили Нелю Васильевну с ее супругом Юрием Александровичем. На факультете царила тогда довольно жесткая в идеологическом плане обстановка. Деканом был Анатолий Данилович Косичев, «научные коммунисты» (было тогда такое отделение) свысока поглядывали на «философов» и «социологов», и слова старшего научного сотрудника Арсения Чанышева, который вел у нас семинары по истории зарубежной философии, о том, что философу «не нужно читать газет», воспринимались как диссидентство. Таким же диссидентством попахивало и от речей Мотрошиловой и Замошкина, которые были довольно сдержанны в оценках того, что было на факультете, зато открывали для нас имена, которые не произносились тогда в университетских аудиториях: Хабермаса, Гадамера, Рорти. Неля Васильевна не читала лекций у нас на курсе. Но, уже закончив факультет, я стал бывать у нее в секторе. Тогда параллельно издавались два собрания сочинений –

двуязычное Иммануила Канта и русское полное собрание сочинений Вл.С. Соловьёва (ограничившееся пока только четырьмя томами). Неля Васильевна стала проявлять интерес к метафизике Соловьёва, а потом и других философов всеединства. Я переводил с французского языка соловьёвский черновик «Софии», и они с Тамарой Андреевной Кузьминой, замечательным специалистом по французской философии, часто спорили и давали мне советы, как лучше перевести тот или иной термин. Этот интерес Нели Васильевны выразился потом и в ее лекциях, и в книге «Мыслители России и философия Запада», куда вошел ее курс о Соловьёве, прочитанный в Ива́нове в рамках деятельности Соловьёвского семинара. Меня всегда радовало внимание Нели Васильевны к русской философской традиции, в которой ее интересовали прежде всего не опыты саморефлексии в стиле «русской идеи», а общеевропейские тренды, отношение к философии Канта и Гегеля, а далее – весьма оригинальное прочтение философии Соловьёва в контексте философии жизни, параллели Бердяева и Шестова с европейским экзистенциализмом и проч. Она не была только въедливым искателем рецепций и заимствований, один из запомнившихся мне ее терминов – «спонтанная параллельность»: в культуре происходят общие процессы, поэтому одни и те же тенденции могут выявиться в разных национальных философских традициях и без прямого и непосредственного влияния.

Особые страницы в памяти – это наши с Нелей Васильевной походы в театр. В беседе она упоминает о том, как у нее на «башне» бывали певцы славной плеяды Большого театра – Юрий Мазурок, Владимир Атлантов, Тамара Милашкина, Евгений Нестеренко. Вспоминается ее рассказ о том, как Мазурок восхитился пением Эриха Юрьевича Соловьёва, который решил исполнить арию Ленина на броневике на мотив арии Жоржа Жермона из «Травиаты» Верди. «Как Вы добиваетесь такой открытости голоса?» – спросил баритон у исследователя Канта и Лютера.

В 2005 г., в год празднования 250-летия МГУ, Неля Васильевна сблизилась с факультетом, ей импонировал декан Владимир Васильевич Миронов, который имел контакты с Юргеном Хабермасом и другими немецкими философами (его жена,

ныне профессор Дагмар Миронова, блестящий переводчик и соавтор многих его статей о современной немецкой философии). В том же году на базе факультета проходил IV Российский философский конгресс, собравший огромное число участников: более двух с половиной тысяч. Среди них были гости из многих стран мира, в том числе и из Германии. Неля Васильевна пришла на праздничный банкет по случаю открытия Конгресса (помню ее довольно дружелюбное общение с А.А. Зиновьевым), а закрытие Конгресса мы отметили в театре «Геликон-опера» на Никитской (еще до его реконструкции) на спектакле «Кармен». Помню, что не все приняли режиссерское решение, но Неля Васильевна была в восторге. Особенно ей понравилась Татьяна Куинджи в роли Микаэлы. У Нели Васильевны был тонкий вкус и чутье на таланты, в опере ли, в философии, которыми она не стеснялась восхищаться даже «в кредит». Потом мы были с ней на «Аиде» Дж. Верди, на «Золотом петушке» Н.А. Римского-Корсакова и на «Вампуке» В. Эренберга в «Геликон-опере». Она высоко отзывалась о режиссуре Дмитрия Бертмана, поставившего спектакль совместно с Немецкой оперой на Рейне (Дюссельдорф) с элементами политической сатиры и даже китча, считая, что ему удалось сатирически выразить те негативные тенденции в культуре, проявления которых она видела и у нас, и на Западе.

Когда в 2004 г. я стал руководить отделом информационной политики на философском факультете (этот отдел был тогда мной создан впервые), мы решили с В.В. Мироновым записать серию интервью с нашими выдающимися философами – прежде всего старшего поколения. Неля Васильевна относилась тогда скорее к среднему еще поколению, да и вплоть почти до самого конца своего жизненного пути она была в активной творческой форме.

Не стоило больших трудов договориться о встрече, но особенно порадовало то, что Неля Васильевна пригласила нас к себе на дачу под Хотьково, где она чувствовала себя дома и где всё хранило память о ее ушедшем супруге, памятью которого она очень дорожила, и о том круге общения, который собирался там. Со мной были Евгений Калинин, аспирант кафедры философии религии и религиоведения (он иногда участвовал в разговоре), и Андрей Богомолов, ныне доцент факультета искусств МГУ, который вел запись беседы на видеокамеру.

Беседа, которая тогда прошла, долгое время не была расшифрована. Опыта тогда было маловато, и запись шла только на видеокассету, без диктофона и даже без выносных микрофонов. Поскольку мы сидели на веранде дома, на открытом воздухе, качество записи было очень низким и для ее расшифровки потребовались дополнительные технические усилия. Кое-что из беседы было утрачено, поскольку в процессе записи производилась смена кассет.

Конечно, после этого появлялись и другие беседы с Нелей Васильевной, например на портале «Устная история» (беседа с А.В. Черняевым в 2013 г.)[1] или Мемуарная встреча с участием Нели Васильевны и академика В.А. Лекторского[2], которая прошла в Православном Свято-Тихоновском гуманитарном университете в 2018 г. и которую я также модерировал. В беседе 2013 г. Неля Васильевна отмечала важность такой работы памяти, собирающей и удерживающей то, что можно удержать:

> А есть еще память, которую никто и никогда не восстановит. Это память жеста. Это мгновение, когда вы рядом с этим человеком, вы испытываете что-то, но вы сами этого не записали, даже эпоха этого не запечатлела.
>
> Но я просто хочу сказать, что сама по себе это затея хороша. Она мне очень нравится, я знала о ней и раньше, потому что подобное делал и делает философский факультет МГУ – они молодцы в этом отношении. Они поняли, что факультет живет не только тем, что он сейчас делает, а живет традициями, чем-то достигнутым, таким единством: действительно, «возьмемся за руки друзья»… И после того как мы не сможем в буквальном смысле взяться за руки, будет существовать это единство, единство памяти.

---

[1] Н.В. Мотрошилова, «О довоенном и военном детстве, учебе, золотой поре советской философии и цивилизационном кризисе современного общества», интервью А.В. Черняева, *Устная история*, 30 октября 2013 г. https://oralhistory.ru/talks/orh-1629.pdf.

[2] Н.В. Мотрошилова, В.А. Лекторский, «Мемуарная встреча: философия в СССР. 1945–1970», интервью А.П. Козырева, канал «Центр Соборная палата» на *Youtube*, 26 мая 2018 г. https://www.youtube.com/watch?v=wCl1Nz1JkM4.

Но особенностью этой беседы 2004 г. является то, что Неля Васильевна здесь еще далеко не в мемуарном возрасте. Хотя работу памяти человек начинает с детства, и написание воспоминаний далеко не всегда совпадает с выходом на заслуженную пенсию. С особой теплотой Неля Васильевна отзывается о своих коллегах по Институту: читая сегодня имена этих людей, из которых кто-то уже нас покинул, но многие сегодня продолжают свое служение делу Философии, – думаешь о том, насколько замечательное поколение вышло из стен философского факультета МГУ в 1956 и близких к нему годах и насколько опосредованно связываются уровень университетских занятий и внутренняя жизнь эпохи. Иногда для необычайного расцвета довольно одной или нескольких искорок, вспышек в темноте, потому что «сухая душа» (вспомним здесь Гераклита, считавшего, что именно «влажность» вредит душе!) готова вспыхнуть из малой толики огня[3].

* * *

– Алексей Павлович Козырев: Неля Васильевна, большое спасибо, что Вы нас пригласили «во святая святых». Много наслышаны про Вашу дачу от Ваших коллег. Вы умеете собирать вокруг себя не только людей, но и ландшафт каким-то образом обустраивать.

– Неля Васильевна Мотрошилова: Ну это уж слишком. Ландшафтом я не владею (смеется).

– А.П.: В этот летний день с достаточно переменчивой погодой мне хотелось бы, чтобы Вы немножко вспомнили историю философии. Не ту, которой мы с вами занимаемся, уходя в глубь веков, а ту, к которой Вы были лично причастны. Потому что история – это и то, что происходит с нами сегодня, и то, что происходило вчера. К тому же мы находимся на пороге юбилея Университета, его 250-летия. Вы были связаны

[3] Я благодарю сотрудников отдела кадров Института философии РАН, а также доктора философских наук Сергея Николаевича Корсакова за некоторые консультации, касающиеся истории Института, которые были использованы при составлении примечаний к этому интервью.

с Университетом, учились, заканчивали философский факультет. В 1951 г. Вы поступили, в 1956 г. закончили. Читали там курсы, брали оттуда своих учеников.

– Н.В.: И надеюсь еще брать (смеется).

– А.П.: И, конечно, безусловно, это будет и продолжаться. Поэтому так же, как погода сегодня переменчива, переменчивы и обстоятельства, связанные с историей нашего факультета. Потому что я читал Ваши воспоминания, в частности, в книжке «Вспоминая Асмуса»[4], где Вы рассказывали о годах вашей учебы, и хотелось бы, чтобы сегодня, не утаивая и не обходя стороной какие-то сложные места в истории факультета, в истории Университета, мы с Вами вспомнили то, что придет Вам на память, и то, что хотелось бы сказать о дорогих Вам людях, об учителях, таких как Валентин Фердинандович, о том, что вообще Вам запомнилось. О Ваших близких друзьях, о Ваших коллегах по Университету. Вы пришли в Университет, когда еще не было нашего здания на Воробьёвых горах. Это был еще нынешний психфак МГУ.

– Н.В.: Нет, сначала даже это было то здание, которое журналисты занимают, кусочек слева такой, флигель.

– А.П.: Где Татьянинская церковь?

– Н.В.: Да-да. Совершенно правильно! А потом уже факультет переселился в здание нынешнего психфака. Но на Воробьёвых горах уже всё строилось. И мы там даже присутствовали на каких-то субботниках. Я бы сказала так: для меня эти годы, студенческие годы и первые годы после окончания Университета, были отличным и очень сложным парадоксом, который я до сих пор не могу понять. Первая сторона парадокса состояла в том, что 1951–1953 – это были годы, когда культ личности был взвинчен до самого крайнего предела. Первые три года – это: «Экономические проблемы социализма в СССР» и «Марксизм и вопросы языкознания» Сталина, и всё было подчинено этому. И, например, меня постигло очень большое разочарование, когда я пришла на философский факультет.

[4] И.И. Блауберг, ред., *Вспоминая В.Ф. Асмуса*… (М.: Прогресс-Традиция, 2001). Воспоминания Н.В. Мотрошиловой – на с. 51–57.

Я закончила 639-ю московскую школу – это была очень хорошая школа – с еще дореволюционной закалкой и учителями.

– А.П.: Где она находилась?

– Н.В.: Это Донской переулок, близко к нынешнему Ленинскому проспекту. Совсем близко от Донского монастыря. Это была чудесная школа, отличные преподаватели, за редким исключением. И вдруг я попадаю в «святая святых», Московский университет. Философский факультет я выбрала совершенно случайно, абсолютно не понимая, что такое философия и зачем она мне нужна или вообще кому-то нужна. Это были скорее внешние обстоятельства, но вот если бы меня сейчас спросили, какую бы профессию я выбрала, начнись моя жизнь сначала, я бы скорее всего остановилась на истории философии: т.е. получилось, что для меня это был не случайный выбор. И вот, прихожу я на философский факультет, и первое, что я слышу: нас приветствует декан факультета – был такой профессор Гагарин. Говорил он ужасно просто. Начиная одно предложение, он не мог из него «выпрыгнуть». Он, видимо, не представлял себе, что он скажет в середине и в конце. Ну и конечно было очень много: «Сталин», «Сталин», «Сталин», и это было все эти три года. И, по сути дела, мы, студенты 1951–1952 гг., пока как-то не представляли себе, какая еще есть философия кроме этой. Я была очень разочарована, и целый ряд моих однокурсников, когда случилось что-то, из-за чего можно было переменить факультет, перешли на другие факультеты.

– А.П.: А что, было сокращение?

– Н.В.: Нет-нет. Просто можно было выбрать другой факультет. Я даже не знаю, в чём там дело было, но такое случилось. Ну и, может быть, если бы в 1953 г. не умер Сталин и не исчезла эта зловещая тень, то так бы и продолжалось. Но вот, после 1953 г., уже на третьем курсе мы стали понимать, что есть другая философия. К нам пришли преподавать историю философии Ильенков[5]

[5] Ильенков Эвальд Васильевич (1924–1979) – философ, сын писателя В.П. Ильенкова, поступил на философский факультет МИФЛИ в сентябре 1941 г., фронтовик, дошел до Берлина. В 1953 г. защитил кандидатскую диссертацию «Некоторые вопросы материалистической диалектики в работе К. Маркса “К критике политической экономии”». В 1953 г. начал вести на философском

и Коровиков[6]. Я училась у Ильенкова, и, в общем, это было очень глубокое впечатление, потому что перед нами был преподаватель, который, во-первых, ненамного был нас старше, каких-то 10 лет разница. И он сам мыслил: в то время, когда он что-то нам преподавал, он философствовал. И, может быть, этот живой нерв философствования – это то, что он нам показал. Я не думаю, что у него были какие-то глубокие знания. На самом деле, методически он был преподавателем не блестящим. Он слишком много воли давал студентам, как раз тем, кто не имел никаких философских знаний. Но на его занятиях было хорошо, он занимался с нами Гегелем и Фейербахом. Потом был еще спецкурс Овсянникова[7]. Очень хорошим преподавателем был Валентин Коровиков, который с Ильенковым был тесно связан. Они в то время как раз разрабатывали свою концепцию.

– А.П.: Ильенков был в штате факультета?

факультете семинар, посвященный логике «Капитала» Маркса. После обсуждения 25 и 29 марта на ученом совете философского факультета тезисов «К вопросу о взаимосвязи философии и знаний о природе и обществе в процессе их исторического развития», написанных совместно с В.И. Коровиковым (опубликованы: https://levkarsavin.ru/2016/12/27/ (дата обращения: 01.07.2025)), был отстранен от преподавания. В том же году перешел на работу в Институт философии АН СССР. Стремился разработать «диалектическую логику» в противовес формальной. В его редакции вышел перевод «Феноменологии духа», сделанный в 1937 г. Г.Г. Шпетом в ссылке. Был известен как знаток и ценитель музыки Р. Вагнера, слушать Вагнера в его квартиру на Тверской приходили, например, А.Ф. Лосев и С.С. Аверинцев.

[6] Коровиков Валентин Иванович (1924–2010) – философ, журналист, путешественник. В 1953 г. защитил кандидатскую диссертацию «Критика теоретических основ и социологических теорий современной буржуазной географии». После обсуждения в 1955 г. на ученом совете философского факультета тезисов «К вопросу о взаимосвязи философии и знаний о природе и обществе в процессе их исторического развития» был уволен из МГУ и получил выговор по партийной линии за гегельянство и «гносеологизм», после чего оставил занятия философией.

[7] Овсянников Михаил Федотович (1915–1987) – историк философии и эстетики, создатель и первый зав. кафедрой марксистско-ленинской эстетики (с 1960 г.), декан философского факультета МГУ (1968–1974), автор книг о философии и эстетике Гегеля.

– Н.В.: Он был аспирантом и преподавал как аспирант. А потом он уже был начинающим преподавателем. Затем у нас были очень интересные молодые преподаватели по русской философии: Арефьева[8] и Бурлак[9]. Они, конечно, не могли сделать эту дисциплину совсем другой, но всё-таки они ее преподавали и мыслили не так, как, скажем, Щипанов[10]. Кстати говоря, с Щипановым у меня сразу начались конфликты. Он, как мне рассказывали, после одного моего критического высказывания по поводу этого курса русской философии предложил, чтобы меня убрали с факультета. Но это было непросто. Потому что училась-то я нормально. Я сейчас говорю об одной стороне этого парадокса, т.е. о том, что, в принципе, было разочарование. Не было восхищения философией. До поры до времени. И вдруг… Это произошло уже после 1953 г. Я это связываю, конечно, как я сказала, с исчезновением зловещей тени, но еще и с тем, что мы перешли на третий-четвертый курсы и вдруг увидели, что представляет собой факультет. И это – вторая сторона парадокса. Дело в том, что как раз философская жизнь в эти годы была необыкновенно интенсивной: были дискуссии, были доклады, студенческие и аспирантские кружки. Аспирантами или студентами старших курсов в то время были

[8] Арефьева Галина Сергеевна (1927–2012) – философ, социолог, автор воспоминаний *Москва. Эпоха великого перелома: повседневная жизнь глазами молодежи 30-х гг.* (М.: Изд-во МЭИ, 2013). В 1952–1956 г. – старший преподаватель философского факультета МГУ, затем была уволена «за антипартийное выступление», с 1957 г. работала в Московском энергетическом институте.

[9] Бурлак Валентина Николаевна (1923–2001) – историк философии, с 1949 по 1956 г. работала на кафедре истории философии народов СССР философского факультета МГУ, с 1965 по 1986 г. – доцент кафедры философии гуманитарных факультетов МГУ, занималась восприятием идей марксизма в России, русским народничеством.

[10] Щипанов Иван Яковлевич (1904–1983) – советский философ, зав. кафедрой истории философии народов СССР (с 1947 г. и до конца жизни). Занимался русским просвещением XVIII в., симпатизируя антиклерикальным и материалистическим тенденциям, был автором и редактором пятитомной «Истории философии народов СССР» (1968–1988) (в шести книгах), получившей у студентов прозвище «Синяя птица».

Мамардашвили[11], Зиновьев[12], Грушин[13], Фролов[14], Митрохин[15], Щедровицкий[16]. В общем, это была целая плеяда людей, которые сыграли затем свою огромную роль в истории нашей философии. Они были молодые и задорные. Каждый хотел сказать что-то новое, и вот эта душная атмосфера – она каким-то образом разрядилась. Вдруг мы почувствовали, что есть вот такая увлекательная философия, история философии. Для меня лично еще замечательным опытом общения было общение с Асмусом[17]. Он не читал на нашем курсе. Только, пожалуй, логикам.

---

[11] Мамардашвили Мераб Константинович (1930–1990) – философ, в 1954–1957 гг. обучался в аспирантуре философского факультета МГУ, участник логико-методологического семинара под руководством А.А. Зиновьева. Н.В. Мотрошилова посвятила ему свою монографию *Мераб Мамардашвили: философские размышления и личностный опыт* (М.: Канон+, 2007).

[12] Зиновьев Александр Александрович (1922–2006) – философ, логик, писатель и публицист. В 1963–1969 гг. заведовал кафедрой логики философского факультета. В 1978 г. был выслан из СССР. После возвращения в 1999 г. вернулся на философский факультет в качестве профессора кафедры этики. Н.В. Мотрошилова под именем «Тормошилкина» была выведена в его романе «Желтый дом». В 2005 г. А.А. Зиновьев и Н.В. Мотрошилова общались на IV Российском философском конгрессе, который проходил в МГУ в мае.

[13] Грушин Борис Андреевич (1929–2007) – философ и социолог, один из основателей Московского логического кружка (1952), стоял у истоков прикладных социологических исследований в СССР.

[14] Фролов Иван Тимофеевич (1929–1999) – философ, окончил философский факультет МГУ в 1952 г., занимался философией науки, в частности биологии. Академик АН СССР, затем РАН. Был секретарем ЦК КПСС, затем членом Политбюро во время «перестройки». Вел телепрограмму «Философские беседы».

[15] Митрохин Лев Николаевич (1930–2005) – философ, социолог, религиовед, дипломат. В 1953 г. окончил философский факультет по кафедре логики, докторскую диссертацию защитил по протестантизму. Академик РАН.

[16] Щедровицкий Георгий Петрович (1929–1994) – философ, лидер Московского методологического кружка, идейный вдохновитель «методологического движения». Учился на физическом и философском факультете МГУ, который окончил в 1953 г.

[17] Асмус Валентин Фердинандович (1894–1975) – философ, историк философии, в 1919 г. окончил Киевский университет, успев опубликовать антибольшевистскую статью после занятия Киева А.И. Деникиным. Занимался

Он на пятом курсе читал историю философии, читал античную философию. Я сама пошла слушать его курсы. (И вообще потом ходила всюду, где он преподавал и где делал какие-то доклады или читал специальные курсы.) Он мне очень понравился. У него была удивительная манера читать лекции. На первый взгляд скучные, потому что он редко когда говорил свободно. Он читал по своим записям. Но писал он абсолютно блестяще. Он был прекрасным стилистом, поэтому речь текла плавно, красиво. Он великолепно рассказывал про историю античной философии. И говорил достаточно размеренно. Было легко записывать его лекции. И я потом долго пользовалась записями его лекций. Я писала в своих воспоминаниях, что, придя на его лекции, я, наконец, поняла, что такое университетский профессор. Настоящий. Из тех, о которых можно было только из литературы знать. Были и другие люди, очень симпатичные, которые влияли на философское становление. Эти люди были все моложе. А здесь был солидный университетский профессор. Потом я слушала его лекции по русской философии, и они тоже очень отличались. Может быть, это были доклады, я уже не помню точно, но они очень отличались от того, что преподавала «щипановская» кафедра. Я бы сказала еще, что на факультете сложилось студенческое и аспирантское сообщество. Мы ходили на всякие заседания других кружков. И студенты младших курсов подпадали под влияние старшекурсников, аспирантов, во всяком случае я, как я уже сказала, очень поклонялась Ильенкову. Ильенковская концепция если меня и заразила в каком-то смысле, то ненадолго. Я, во всяком случае, думала, что надо толковать философию иначе. Они закрепились, уцепились за какую-то фразу Маркса и Энгельса, что от философии остается только теория познания. Я была с этим не согласна, хотя очень любила и до сих пор люблю теорию познания. Я думаю, что социальная философия, философия человека и другие философские дисциплины не менее важны, чем теория познания. В том, как они

логикой, эстетикой, историей античной и европейской философии, внес большой вклад в философское образование и науку, дружил с Б.Л. Пастернаком и поддержал его во время гонений после выхода романа «Доктор Живаго».

развивали эти свои тезисы, был настоящий философский диспут. И с ними спорили. Спорил Мамардашвили, группа Щедровицкого, хотя они тоже были склонны развивать гносеологическую сторону философии. Еще что было на факультете для меня важно – так это наш собственный курс. Это курс 1951–1956 гг. Это такие будущие известные философы, как Садовский[18], Батищев[19], Межуев[20], Швырёв[21] и многие другие. На нашем курсе было очень интересно учиться. Интересно, потому что был какой-то дух соревнования. И вот этот сплав, вот этот парадокс, вот эти две стороны – они постоянно сталкивались, сшибались и проверяли на прочность нашу идею вообще и мою в частности идею овладеть хотя бы какими-то азами философии.

– А.П.: Что было катализатором? Потому что никогда ничего не бывает из ниоткуда. Если вдруг появляется такая плеяда молодых, талантливых, интересующихся философией людей, то, наверное, не всё было так однообразно и серо. Ильенков – это всё-таки был человек ближе к Вашему поколению, старший товарищ, но тем не менее не мэтр. Асмус, действительно, профессор, человек иной культуры, иной эпохи. А приходилось Вам слушать Павла Сергеевича Попова[22]?

---

[18] Садовский Вадим Николаевич (1934–2012) – философ науки, участник Московского методологического кружка, окончил философский факультет МГУ в 1956 г., работал в Институте философии, редакции журнала «Вопросы философии», заведовал отделом в Институте системного анализа РАН.

[19] Батищев Генрих Степанович (1932–1990) – философ, окончил философский факультет в 1956 г., был учеником Э.В. Ильенкова, разрабатывал оригинальную философию общения и творчества.

[20] Межуев Вадим Михайлович (1933–2019) – философ культуры, окончил философский факультет в 1956 г., работал в Институте философии РАН, преподавал в различных вузах.

[21] Швырёв Владимир Сергеевич (1934–2008) – философ науки, окончил философский факультет в 1956 г., переводчик Д. Юма, исследователь неопозитивистской концепции логики науки.

[22] Попов Павел Сергеевич (1892–1964) – философ, историк философии, переводчик, литературовед, окончил историко-филологический факультет Московского университета по историческому отделению в 1915 г., входил в кружок имяславцев, участвовал в работе ГАХН, рекомендовал своего однокурсника А.Ф. Лосева для работы на философском факультете в 1942 г.

– Н.В.: Да, конечно, он преподавал у логиков, и мы тоже слушали логику, в частности, у него. И я его очень зауважала после того, как узнала, что он хранил у себя «Мастера и Маргариту» и имел отношение к Булгакову[23]. В то время никто об этом ничего не знал. Он был очень рафинированный интеллигент, человек чрезвычайно интересный, но он больше общался с логиками. Я лично с ним была мало знакома. А вот тот вопрос, который Вы ставите, он вообще очень интересный. Я потом провела даже маленькое собственное социобиографическое исследование. Его результат состоит в том, что как раз в эти годы, в конце 1940–1950-х гг., в философию и гуманитарные дисциплины пришло целое поколение людей, которые приехали в Москву из провинции. Поразительная цифра у меня получается. Вы знаете, примерно 95% тех, кто потом составил основной фонд философии, социологии и так далее, это люди, которые приехали в Москву из других городов и поступили в Московский университет или в какие-то другие вузы. При этом они очень хорошо учились в своих городах. Вообще, это в основном люди, которые были рождены даже в небольших поселках или в небольших городках. Я причисляю к этому поколению и шестидесятников, и семидесятников, и пятидесятников. Мы были, конечно, до поры до времени людьми разных поколений, а потом всё это сгладилось. Вот, например, мой муж: он на семь лет старше меня. Но потом мы стали собственно людьми одного поколения и одних, можно сказать, взглядов, переживаний и чувств. Так вот, эта масса гуманитариев – это люди с очень серьезными амбициями, с довольно хорошим школьным образованием. Чрезвычайно много читавшие и, я бы

В 1946–1947 гг. заведовал кафедрой логики. Преподавал на факультете до своей кончины, оставил факультету часть своей библиотеки.

[23] П.С. Попов был близким другом и корреспондентом М.А. Булгакова, его первым биографом, членом комиссии по его литературному наследию, дал характеристику роману «Мастер и Маргарита» в письме Е.С. Булгаковой в 1940 г. Нескольких лет не дожил до первой публикации романа (сокращенной) в журнале «Москва» в 1966–1967 гг. В «Булгаковской энциклопедии» есть статья, посвященная П.С. Попову (Б.В. Соколов, сост., *Булгаковская энциклопедия* (М.: Локид; Миф, 1997), 387–393).

сказала, сделавшие самих себя. Они не вышли из профессорских семей, где их бы окружали специальные книги, специальное образование, специальное знание родителей, дедов, бабушек. Они делали себя сами. Это было то поколение, которое меня окружало.

– А.П.: Провинция, может быть, была более свободна от идеологической зашоренности. Там не было такого прессинга, который создается близостью к столице.

– Н.В.: Может быть. Во всяком случае, когда я пришла на факультет, я увидела там студентов старше нас и помоложе, и это были в основном люди, которые приехали в Москву из других городов, и они были совершенно замечательно подготовлены. Нужно было с ними соревноваться. Бывшие московские школьники, подобные мне, должны были еще очень-очень много работать, чтобы быть с ними вровень. Например, до нас был курс Лекторского[24], после нас – курс Соловьёва[25], Гайденко[26], Дробницкого[27]. Это были совершенно замечательные ребята. Тут надо сказать, что мы сразу подружились. Все

[24] Лекторский Владислав Александрович (р. 1932) – философ, окончил философский факультет МГУ в 1955 г., в 1969–2016 гг. – зав. сектором теории познания (до 1977 г. – диалектического материализма) Института философии АН СССР – РАН, в 1988–2009 гг. – главный редактор журнала «Вопросы философии». Академик РАН.

[25] Соловьёв Эрих Юрьевич (1934–2025) – философ, историк философии, окончил философский факультет МГУ в 1957 г., исследователь экзистенциализма, философии Канта, немецкой реформации и Мартина Лютера. Автор остроумных поэтических эпиграмм.

[26] Гайденко Пиама Павловна (1934–2021) – философ, историк философии, окончила философский факультет в 1957 г. С 1969 по 1988 г. работала в Институте естествознания и техники, в 1988–2011 гг. – зав. сектором философских проблем истории науки в Институте философии АН СССР – РАН. Защитила одну из первых в СССР диссертаций, посвященных М. Хайдеггеру. Исследователь становления новоевропейской рациональности. Член-корр. РАН.

[27] Дробницкий Олег Григорьевич (1933–1973) – философ, специалист по этике, окончил философский факультет в 1956 г., был профессором, работал в Институте философии АН СССР, погиб в авиакатастрофе, возвращаясь из Болгарии.

мы знали друг друга. Мы не только жили жизнью своего курса, но и всего факультета. И знали друг друга очень хорошо.

– А.П.: Курс большой был?

– Н.В.: Курс был достаточно большой. И на этом курсе были и те, кто вернулся с войны, фронтовики, и были недавние выпускники школ. Это было очень интересно. Было интересное сообщество. Причем чем больше мы взрослели, тем всё это было интереснее, всё живее, всё больше было философии. И поэтому когда говорят: «Ну какая разница, философский факультет или не философский? Можно окончить другой факультет и стать философом!» – я не отрицаю, что это вполне возможно. И много есть таких философов, которые были историками по образованию, филологами, даже физиками, то есть закончили естественно-научные факультеты. Я с этим согласна. Но всё же опыт факультета даже в самые худшие времена, опыт вот этих пяти лет, когда тебя всё-таки окружают в философии люди, которые хотят стать философами, – этот опыт, по-моему, ничем не восполним.

Знаете, я вообще такого мнения, что ничего не бывает случайного. И когда в студенческие годы ты видишь, что парень или девушка работают очень интересно, то очень сильно надеешься, что из них получится что-то действительно неординарное. И потом видишь – да, это так и есть. За очень редким исключением. То есть пропадают таланты по каким-то причинам. Иногда так бывает. Но очень редко. В одном случае из десяти. Всё равно это те студенты, с которыми было очень интересно. Яркие, в общем, люди.

– А.П.: В философии достаточно много не реализовавших себя людей. Особенно сейчас. Вы называете столько известных имен, которые много сделали для философии. А были способные, талантливые люди, которым не удалось раскрыть себя?

– Н.В.: Наверняка были, но мне бы не хотелось их называть. Я знаю такие примеры. Но, как правило, это связано с какими-то заболеваниями. Или еще с какими-то чисто личными обстоятельствами. Но в принципе… (*задумывается*). Правда, есть вопрос: что значит реализовать себя в философии? Но, по крайней мере, если руководствуются такими внешними критериями, как известность, как книги, как ученые степени, позиции, то да, эти

критерии достаточно объективны. Во всяком случае, большинство из тех, с кем я училась и кто подавал тогда надежды, вот они были очень яркими людьми уже тогда, и это относится также к моим ученикам. Большинство из них стали известными философами впоследствии.

– А.П.: А Вы стали работать, когда Ойзерман[28] уже пришел на кафедру?

– Н.В.: У меня было по-другому. Некоторый такой драматический момент в истории именно нашего курса. Я на пятом курсе пришла к Валентину Фердинандовичу и сказала ему: «Валентин Фердинандович, можете ли Вы руководить моей дипломной работой по феноменологии Гуссерля? По второму тому “Логических исследований”». Валентин Фердинандович на минуту – или даже на две – замолчал и очень пристально на меня посмотрел. Я вздрогнула. Внутренне напряглась. Думала, сейчас он откажет. Вдруг он сказал: «Знаете, я вот уже сколько лет мечтаю о том, что кто-нибудь придет и скажет: “Можно ли у Вас написать работу по ‘Логическим исследованиям’ Гусселя”». Вот, собственно, я уже на пятом курсе занялась феноменологией и до сей поры постоянно этим занимаюсь.

– А.П.: Последняя из вышедших книг посвящена как раз «Идеям I»[29]…

– Н.В.: Да, последняя книга как раз посвящена идеям к чистой феноменологии. В то время не было перевода второго тома «Логических исследований». И долго не было. Это только совсем недавно Молчанов[30] сделал этот перевод. Так вот, тогда

---

[28] Ойзерман Теодор Ильич (1914–2017) – философ, историк философии, окончил философский факультет МИФЛИ и в 1941 г. защитил кандидатскую диссертацию. Участник Великой Отечественной войны. С 1949 по 1968 г. заведовал кафедрой истории зарубежной философии МГУ, в 1971–1986 гг. был зав. сектором истории западной философии (до 1980 г. – сектор истории философии стран Западной Европы и Америки) Института философии АН СССР. Занимался историей немецкой классической и марксистской философии. Академик РАН.

[29] Н.В. Мотрошилова, *«Идеи I» Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию* (М.: Феноменология – Герменевтика, 2003).

[30] Молчанов Виктор Игоревич (р. 1948) – философ, исследователь феноменологии, переводчик Гуссерля, окончил философский факультет МГУ

мне хотелось взять какую-то работу, чтобы у меня не было выхода и пришлось бы самой переводить прочитанное. Мне хотелось язык подтянуть, и это действительно оказалось хорошим способом. Так вот, я защитила диплом по феноменологии, по «Логическим исследованиям», по Гуссерлю. И многие мои однокурсники уже нашли тогда свои темы. Этому я тоже придаю особенно большое значение. Вот так найти тему и такую, чтобы она с тобой осталась на всю жизнь, – это удача. Причем я это просто истолковываю как какое-то наитие свыше. В принципе, узнать о Гуссерле можно было только из одной лекции Мельвиля[31]. Больше неоткуда. Я имею в виду Мельвиля старшего. Ведь почти никто не знал тогда, кто это такой Гуссерль, даже из профессиональных философов. Но вдруг вот мне показалось, что это очень интересно. И это было правильное чувство.

– А.П.: Вас увлекла мысль? Или вы что-то знали о феноменологическом сообществе?

– Н.В.: Нет. Я очень мало тогда знала. Меня привлекла сама эта работа: «Логические исследования». Я очень люблю стройные размышления до сих пор. Я люблю, правда, и такие экспрессионистские экзистенциальные вещи. Кстати, вот очень интересные воспоминания, связанные с факультетом. Пиама Гайденко, она училась на курс позже меня, сидела как-то в Ленинке. Я встретилась с ней и спросила у нее, какую она пишет дипломную работу. Она сказала, что по экзистенциализму. Кажется, я спросила: «Зачем ты этим неинтересным экзистенциализмом занимаешься? Вот феноменология – это действительно интересно! Надо было Гуссерлем или кем-то из феноменологов заняться». Но могла ли я знать тогда, что я сама буду писать

в 1971 г. Преподавал в Ростове-на-Дону, создатель и руководитель Центра феноменологической философии РГГУ (с 1996 г. по настоящее время).

[31] Мельвиль Юрий Константинович (1912–1993) – историк философии, воспитывался в семье, принадлежащей к старинному дворянскому роду, окончил гимназию и Ленинградский Политехнический институт, аспирантуру философского факультета МГУ, ученик В.Ф. Асмуса, с 1949 г. сотрудник кафедры истории зарубежной философии философского факультета МГУ, в 1968–1985 гг. заведующий этой кафедрой. Исследователь прагматизма и автор учебника по западной философии XX в.

по экзистенциализму? Напишу биографию Хайдеггера и так далее. То есть тогда мне казалось, что логическая сциентистская концепция – это гораздо предпочтительнее.

Так получилось, что наши курсы остались вообще без работы. Мы не получили никакого распределения. В то время философию еще не преподавали в вузах. Я думаю, что тогда почти все прошли через то, через что прошла я. Я должна была проработать лаборанткой два года на какой-то кафедре в юридическом заочном институте. Потом мне очень повезло, в том смысле, что я нашла себе работу, связанную с философией. Это была Библиотека иностранной литературы. Нужно было делать бюллетень новых иностранных книг и аннотировать их. Вот тогда это была большая удача, я сразу получила в свои руки множество книг, которые поступали из-за границы в библиотеки России. Мне нужно было их просматривать, и это было очень полезно. Только в 1959-м г. я поступила в аспирантуру Института философии, которую через три года окончила. Защитила кандидатскую диссертацию тоже по Гуссерлю, по социологии познания. Это была такая комбинация тоже, на мой взгляд, очень перспективная. Для меня, во всяком случае. В общем, я могу сказать, что к концу обучения на философском факультете всё-таки удалось найти, без всяких дураков, философскую проблематику, которой я стала заниматься. Это объективные вещи. А ведь можно было бог знает чем заняться, правда же!

– А.П.: Вы тогда видели себя больше как исследователя, ученого или как преподавателя? Чем Вам больше хотелось заниматься?

– Н.В.: Вы знаете, я всегда любила и то, и другое. И любила и то, и другое сочетать. И мне до сих пор нравится преподавать. Я всё время преподаю. Я не упустила ни одного года, когда бы я где-нибудь не преподавала. Я преподавала в Университете, как я уже сказала. Но у нас тогда все уже ушли из Университета. Это был какой-то неудачный год. Это было связано с каким-то давлением на идеологическом фронте Москвы. Не очень хорошо помню, но это случилось в середине 1970-х гг. Нас всех попросили уйти, мы работали на полставки. Попросили уйти Мамардашвили, Гайденко, меня. И еще кого-то. Предлог был такой, что у них нет половины ставки, но потом оказалось,

что после нас эти «полставки» были заняты. И тогда я пошла преподавать в инженерно-физический институт. Это тоже была очень большая удача, потому что мне предоставили возможность работать с аспирантами и преподавать им не марксистско-ленинскую философию, а историю философии. Потом еще я несколько лет преподавала во ВГИКе, когда Мераб Мамардашвили был оттуда удален. Он мне сказал: «Ты пойдешь туда». Я пошла. И преподавала там несколько лет. Я опять читала там специальные курсы по философии XX в. Я помню, целый семестр читала про Фрейда и фрейдизм. Это была прекрасная возможность заниматься не ортодоксальный философией, а именно моими темами, которые я люблю. И у меня почти всё время были аспиранты. Мои аспиранты – это тоже моя гордость. Я думаю, что это тоже одна очень большая удача. Все молодые люди меня интересуют и очень-очень вдохновляют. Я могу привести такой пример, связанный с моей последней книгой. У меня появились аспиранты, которые занимались феноменологией очень серьезно. Это Игорь Михайлов[32], Женя Борисов[33], который сейчас в Беларуси. Так вот, от них как раз и исходил импульс к тому, чтобы еще на новом уровне поработать с феноменологией. И отсюда вот книга последняя родилась. Потом всегда хотелось, чтобы книги были не занудливыми, а были доступны тем, кто, может быть, даже не философ. Так я писала книгу «Рождение и развитие философских идей»[34]. Фактически всегда это было объединено с преподаванием или с импульсом преподавания. Преподавание я вообще считаю очень-очень важным. Когда просто пишешь, тебе может казаться, что ты пишешь понятно и что ты хорошо развиваешь эту тему. Но стоит

[32] Михайлов Игорь Анатольевич (р. 1968) – философ, старший научный сотрудник Института философии РАН, специалист по Хайдеггеру и немецкой философии XX в.

[33] Борисов Евгений Васильевич (р. 1979) – философ, переводчик, профессор Томского университета и Института философии и права Сибирского отделения РАН, в 2014–2018 гг. – декан философского факультета ТГУ, специалист по Хайдеггеру, современной логике и аналитической философии.

[34] Н.В. Мотрошилова, *Рождение и развитие философских идей* (М.: Политиздат, 1991), 2-е изд., доп. (М.: Канон+, 2010).

начать тебе это излагать, начать рассказывать об этом, ты сразу видишь, что здесь концы с концами не сходятся, здесь чего-то не хватает. Поэтому преподавание всегда очень важно. Но также я люблю сидеть за столом. Иногда с утра и допоздна, люблю книги, люблю их читать, люблю рассказывать о философии письменно – это тоже меня очень увлекает.

– А.П.: Для Вас философия – это научный тип деятельности или экзистенциальный?

– Н.В.: Скорее экзистенциальный, но теоретический одновременно. Вот такое сочетание. Чтобы это всё-таки было связано с философской теорией, с концепциями, с понятиями. Я очень люблю понятийную работу, понятийно-филологическую. Например, меня очень интересует такой вопрос: как на протяжении истории менялось понимание разума или понимание самых разных категорий: свободы, любых понятий, которые в философии употребляются. И мне хочется всегда их разъяснить. Хотя и экзистенциальный тип работы меня очень привлекает, потому что всё время хочется узнать, откуда, из каких корней: экзистенциальных, социальных, исторических, – растет то или иное философское знание. Это всегда мне было интересно. Я это называю социологией философии или социологией истории философии, или, выражаясь более старым языком, ее социально-историческими корнями. У меня есть такая книга: «Социально-исторические корни немецкой классической философии»[35]. Эта тема меня всегда очень интересовала. Причем тут мне хотелось разработать концепцию. Я думаю, что в какой-то мере это мне удалось. То есть у меня в разных книгах присутствует концепция, связанная с понятиями «цивилизация», «цивилизационные скачки», «эпоха». Обязательно надо объяснить себе, что такое «эпоха», как понимать ту или иную эпоху. Затем мне важно понять историческую ситуацию, в которой та или иная философия возникает и меняется. Вот, например, в развитии немецкой классической философии я выделяла шесть-семь, в зависимости от подходов, конкретных ситуаций, на которые приходилось то или иное учение. И тогда легче

[35] Н.В. Мотрошилова, *Социально-исторические корни немецкой классической философии* (М.: Наука, 1990).

понять корни тех или иных воззрений. Для меня это было важно. Но мне также было важно установить, что в этих исторических и социально рождающихся философских продуктах относится именно к этой конкретной эпохе или времени, а что переходит от эпохи к эпохе. Что остается как знание, которое мы сегодня можем считать релевантным и нашему времени. А ведь это как раз понятийно-категориальная структура идей философии. По крайне мере, экзистенциальная сторона дела, историческая, социальная, она для меня очень важна, близка, и я всегда стараюсь выискивать в истории философии такие моменты, такие аспекты, когда говорят: вот это происходит на таком-то фоне, по таким причинам. И такие исследования у меня есть, например, относящиеся к Гегелю и к Хайдеггеру тоже.

– А.П.: Вы писали об Античности, писали о Бруно, писали о Гуссерле, о немецкой классике, о русской философии, наконец, в том числе и о современной. О Мамардашвили, о Ваших современниках и друзьях. Есть эпоха, в которую Вам было бы интереснее всего погружаться, в которой Вы чувствуете себя как рыба в воде, что называется?

– Н.В.: Да, ну вот, чтобы сразу сказать о русской философии. Сейчас у меня в издательстве «Республика» лежит книга, которая называется: «Мыслители России и философия Запада»[36]. Русской философией я стала заниматься не сразу. То есть я интересовалась ей всегда, но специально занялась я ей не сразу. Мне казалось, что русскую философию нельзя понять без западной. И только когда я почувствовала, что в западной у меня есть какой-то багаж, я что-то там сделала и что-то понимаю, тогда я решила исследовать ту тему, которой посвящена указанная книга. Я решила показать русскую философию в контексте восприятия западного философского опыта. А вот что касается Вашего вопроса и именно эпохи, то, в общем, кроме Средневековья, где я не являюсь специалистом, мне близки все эпохи. Я работала, действительно, и над Античностью, и писала о Бруно. Причем о Бруно я в 1970 г. написала книгу, но она абсолютно не могла быть опубликована, потому что я ее специально

[36] Н.В. Мотрошилова, *Мыслители России и философия Запада* (М.: Культурная революция, 2007).

сделала с такими аллюзиями, которые не могли понравиться. Я понесла ее в одно издательство, во второе, третье, и мне говорили: «Да, это всё хорошо, но, но, но, но… Знаете, уж очень это похоже на то, что мы сейчас все наблюдаем». В итоге я опубликовала только небольшой кусочек из этой работы в книге «Рождение и развитие философских идей». А так я эту книгу просто забросила, и где-то она у меня валяется.

– А.П.: А она есть, да?

– Н.В.: Она есть, но я не считаю необходимым ее публиковать. Однажды я написала еще книжку о Лейбнице, но тоже ее забраковала. После того, как появилась книга Майорова. Это был первый повод. Я поняла, что его книга настолько лучше, что я просто не имею права свою предлагать. А кроме того, я поняла, что книгу о Лейбнице должен писать логик, то есть человек, который знает логику не так, как я. Из эпох мне ближе всё-таки Новое время. Я бы так сказала: XVII в. я достаточно основательно знаю, XVIII, XIX, XX вв. – в общем, вот эти вот последние четыре столетия. Меня очень интересует XVII в. Я очень люблю великих философов этого времени. Я провела работу, которая еще по-настоящему не получила отражения в книгах, – характеристика этой эпохи в связи с философией.

– А.П.: Это становление рациональности? Проблема cogito?

– Н.В.: Это проблема cogito, проблема субъекта. Cogito в том понимании, как это описано у Мамардашвили. Когда он говорил, что это не просто философская процедура, но это тоже экзистенциальный опыт личности. Он говорил, что ты и только ты можешь. Всё поставлено на кон. Идет такое напряжение, и кажется, что, если ты эту мысль не выдержишь (а надо держать мысль, говорил он), так вот, если ты эту мысль не выдержишь, если ты ее не продолжишь, если по шагам это всё будет не развито – значит ты помираешь, значит ты не состоялся. Это очень личностный, экзистенциальный фон, это мне тоже всегда очень нравилось. Ну и вообще просто методологическая сторона философии. Я очень люблю как философа Спинозу и тоже работала над ним и писала, да и Лейбниц, как я рассказывала, меня всегда интересовал. В общем, XVII век. Конечно, очень близка мне немецкая классическая философия. Канту отдано очень много времени и Гегелю больше всего. Фихте я

изучала, но о нём мало очень писала, так что это, может быть, на будущее, если оно случится. А затем конец XIX в. в России. Соловьёв для меня – это ключевая фигура. В моей новой книге есть эссе о молодом Соловьёве, поэтому я бы очень хотела, чтобы Вы ее прочитали.

– А.П.: Вы же сейчас, насколько я знаю, курс даже прочитали в Иваново, который собираются выпускать.

– Н.В.: Да-да. Там, между прочим, этот ивановский курс и будет опубликован, в этой книге. Главная проблема ивановского курса – это анализ философии Соловьёва как специального варианта философии жизни. И также Бердяева, Франка и Шестова. Это сквозная тема, но в сравнении с различными вариантами тогда появившейся философии жизни…[37]

– А.П.: Расскажите про Вашу встречу с Юргеном Хабермасом[38].

– Н.В.: Тема [беседы] была «Метафизика». Он удивился. Он спросил меня, как я отношусь к традиции метафизики. Я сказала, что критически, но и позитивно. То есть я считаю, что в современных условиях также можно и, я думаю, нужно разрабатывать метафизику. Он с этим не согласился. И вот вокруг этого был наш разговор. Кроме того, он спрашивал о России, о том, какие, с моей точки зрения, интересные есть явления. А я ему сказала: «Может быть, Вы приедете к нам?» Он сказал: «Ну что ж, если вы пригласите, я охотно приеду». И действительно, потом Фролов пригласил Хабермаса, и Хабермас в 89-м г. приехал. Вот с тех пор, наверное, началось

---

[37] Здесь запись на некоторое время обрывается: часть беседы, которая велась, пока менялась кассета записывающего устройства, к сожалению, не сохранилась.

[38] Хабермас Юрген (р. 1929) – немецкий философ и социолог, один из крупнейших философов второй половины XX – начала XXI в., автор теории коммуникативного действия и этики дискурса. В апреле 1989 г. приехал в Москву по приглашению Философского общества СССР и прочитал три лекции: «О прагматическом, этическом и моральном употреблении практического разума», «Философский спор вокруг идеи демократии», «Наследие французской революции» (вместе с некоторыми другими материалами (в частности, статьей Н.В. Мотрошиловой о Хабермасе) опубликованы как Юрген Хабермас, *Демократия, разум, нравственность: московские лекции и интервью* (М.: KAMI, 1995)).

наше общение. Я не могу сказать, что это в полном смысле дружба, но всё-таки это коллегиальные, товарищеские и отчасти дружеские отношения. Я знакома с его женой: очень умная женщина с аристократическим прошлым, замечательная и всё хорошо понимающая жена, его союзник. После его приезда в Россию мы неоднократно с ним виделись. В том числе я была в его доме в Штарнберге. И он приезжал навестить меня, когда я была в Марбурге, он и его жена. Все эти встречи были для меня исключительно интересными. Когда я была в Штарнберге, я не поленилась записать наш разговор. Он был исключительно интересный, когда-нибудь его надо будет издать. Он рассказывал мне историю своих отношений с Франкфуртской школой, о Хоркхаймере, Адорно, о том, как он начал изучать Маркса, он затрагивал тему Хайдеггера. То есть многое мы обсуждали. А когда он приехал в Москву, он прочитал вышеупомянутую зуркамповскую книгу и сказал, что хочет познакомиться с Соловьёвым, что ему чрезвычайно понравилась работа Соловьёва о Канте в этой книге[39].

– А.П.: Вы имеете в виду Эриха Соловьёва?

– Н.В.: Да, я имею в виду Эриха Соловьёва. Таким образом, у нас как-то сложились отношения. Очень большое жизненное впечатление было от знакомства со старшим сыном Хайдеггера. Он пригласил меня в знаменитую хижину в Тодтнауберге[40]. Там всё было открыто. Я была внутри, даже сидела на стуле, на котором сидел Хайдеггер, у меня есть снимки этого путешествия. Я была 10 дней в гостях у семьи Йорга Хайдеггера[41]. Он сделал примерно три любительских фильма. Это были дни рождения Мартина Хайдеггера. Обычно эти фильмы он мало показывает, но мне удалось их посмотреть, и я тоже всё это записала, и это, конечно, очень яркие впечатления! Я знаю

[39] Erich Solovev, «Freiheit und Eigentum in der Kantischen Rechtsphilosophie», in Zum Freiheitsverständnis des Kantischen und nachkantischen Idealismus. Neuere Arbeiten russischer Autoren, hrsg. von Nelli Motroshilowa (Frankfurt am Main: Suhrkamp Taschenbuch Wissenschaft, 1998).

[40] Тодтнауберг – немецкая деревня в Шварцвальде в земле Баден-Вюртенберг. Там расположено шале Хайдеггера, где он писал «Бытие и время».

[41] Хайдеггер, Йорг (1919–2019) – старший сын Мартина Хайдеггера.

вообще многих сейчас известных немецких философов. С некоторыми – например, с марбургскими коллегами – мы работаем над двуязычным Кантом уже много лет[42]. В этом и следующем годах должны уже завершить это издание. Сейчас работаем над «Критикой чистого разума». В общем, это, конечно, какая-то жизненная удача. Не знаю уж, почему мне так подфартило, но это заставляло всегда держать руку на пульсе западной философии – читать книги. Меньше это связано с Америкой, хотя в Америке я тоже бывала и даже была один раз с курсом в Гарвардском университете, но, конечно, американскую философию я знаю хуже.

– А.П.: Вы всё-таки не анахорет в философии. Бывают люди, которые сидят в своем кабинете и, может быть, иногда выбираются на конференции, на коллоквиумы, но в основном творят сами по себе. А Вы всё-таки человек сообщества, насколько я себе представляю.

– Н.В.: В общем, да.

– А.П.: Что для Вас сообщество? Не связано ли это как-то с Вашим увлечением Гуссерлем? Потому что в феноменологии, по-моему, есть какое-то особое чувство корпоративности, где меньше, чем в других направлениях, нездоровой соревновательности, или подсиживания, или какого-то охаивания своих коллег.

– Н.В.: В этом я согласна.

– А.П.: Есть это влияние в феноменологическом сообществе?

– Н.В.: Может быть, это зависит просто от характера. Я действительно очень общительный человек. Я очень люблю общение, и для меня работа неотъемлема от непосредственного и не опосредованного общения. Когда я читаю книгу, мне очень хочется знать, что это был за человек. Мне хочется знать это и в исследовательском плане. Я потратила немало времени на то, чтобы знать, как жил Кант, что он был за личность. Когда я читаю лекции – сейчас в медицинском институте для аспирантов, – я всегда начинаю с того, что понимаю личностный мир

[42] Иммануил Кант, Сочинения, на немецком и русском языках, 5 т., под ред. Н.В. Мотрошиловой и Буркхарда Тушлинга (М., 1994–2019).

философов, что это был за тип личности. Но мне личностно очень важно общаться с другими. Я взяла у Гуссерля такой термин, как «осовременивающее воспоминание» – такое, когда человек из прошлого переходит в твое настоящее. Но и в настоящем много замечательных философов. Я считаю, наше философское сообщество очень серьезно, оно очень крепкое. Почти у каждого философа, с которыми я общаюсь в Институте философии, в Московском университете, я знаю примерно, чему мне надо было бы поучиться. И когда я или встречаюсь с их работами, или присутствую на их докладах, защитах, я стараюсь всё это впитывать. Я, конечно, человек сообщества. И слава Богу, что сейчас нет ничего, что мешало бы понимать это сообщество широко – в интернациональном смысле. Всё равно, какой философ, всё равно – откуда, из какой страны он приехал, и неважно, в какую ты страну приезжаешь, если тебе там интересно и тебе это важно. Замечательно, что можно говорить обо всем откровенно – и о философии в том числе, – не опасаясь, что тебе завтра скажут: «А больше ты не поедешь». Но, что касается феноменологии, Вы правы, я думаю, это философия сообщества. Хотя там тоже было много всяких своих драм. Кстати, в последней своей книге я специально посвятила маленькую главку периоду идей с точки зрения процессов, происходивших в философском сообществе – а именно, в феноменологическом сообществе. Там всё было – разные люди, разные амбиции. Нельзя сказать, что это такое добродушное сообщество. Но, в общем, есть какой-то посыл в самой феноменологии, который заставляет работать коллективно. Ведь Гуссерль предлагает: давайте вглядимся, скажем, в какой-то процесс восприятия. Это значит, он приглашает нас – давайте мы вместе проведем эту методическую работу, если я ошибаюсь, вы тут же мне скажете: «Я этого не вижу». Ведь если я говорю что-то, значит, вы можете проверить это в своем собственном опыте.

– А.П.: Время, по-вашему, философское сейчас? Эпоха философская? Ахматова говорила: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи…». Этот сор есть всегда, поэтому стихи тоже всегда есть, нет такой эпохи, когда люди не писали бы стихов, начиная с Древнего Египта. А вот философия – это, скорее, редкий цветок. Он появляется не во всех национальных культурах

и появляется не всегда. Скажем, немецкая классика, конец XVIII – начало XIX в. – это неистовое цветение. Было время философское. Россия начала XX в. – тоже.

– Н.В.: Это очень интересная тема, но я просто боюсь заговориться на ней. Про это можно говорить бесконечно. Какая эпоха философская, какая – не философская. Если Вы посмотрите материал на эту тему в истории философии, то не было философа, который не проклинал бы свою эпоху. И не говорил бы одновременно, как Гегель, что в наше время дух как будто бы надел сапоги-скороходы. Есть огромная динамика, и в то же время почти каждый переживает свое время как кризисное. Сова Минервы вылетает в сумерки. Конечно, сумерки есть. Без сомнения. Причем не только у нас, но и в мировой культуре. Есть же такое мнение, что сейчас вообще нет философии. Сейчас нет того интересного, из чего может родиться великая философия XXI в. Я не знаю. Мне очень трудно сказать. Я этим занималась специально, я пыталась продумать, что же предположительно предъявит конец XX и начало XXI в., что они предъявят в качестве своих несомненных и интересных достижений. Будут ли люди, чьи имена у всех на слуху. Будут ли они действительно признанными выдающимися философами. Конец XIX – начало XX в. – это моя любимая эпоха, в том числе в русской философии. И думаю, что всегда так было. Всегда было некоторое ощущение безвременья – или еще не пришедшего времени, или уже ушедшего времени. И предположение, что кончилась она, великая философия. Наш директор Вячеслав Семенович Стёпин[43] – превосходный философ, дружба и сотрудничество с которым было одной из удач в моей жизни. Мне очень нравится его философский темперамент, он о философии готов говорить всегда и везде и очень много своего в каждый такой разговор вносит. Его всё время спрашивают: «У вас в Институте философии есть философ, подобный, например, Канту или Гегелю? Российские Канты и Гегели?» Непросто ответить на этот

[43] Стёпин Вячеслав Семенович (1934–2018) – философ, специалист по философии науки и культуры, директор Института философии АН СССР и РАН с 1988 по 2006 г. Президент Российского философского общества с 1999 по 2018 г. Лауреат Государственной премии РФ (2004). Академик РАН.

вопрос, но я не исключаю, что, может быть, где-то они и есть, мы просто их еще не опознали. Гегель вот сколько бился, пока не сподобился какого-то признания?

Евгений Калинин: А вот будущая русская философия, она будет философией религиозной?

– Н.В.: Я написала как-то, что если я жду какого-то прорыва, то, скорее, это религиозная философия. Вот интересный, между прочим, человек – Сергей Сергеевич Хоружий[44]. Он очень хорошо знает опыт естествознания и математики. Он прекрасно владеет материалом по истории русской философии и европейской тоже. Он нанизывает это на исихазм. И в то же время он хочет создать свою концепцию.

Может быть, эта традиция в русской философии гораздо более основательно отработана. И поэтому, быть может, отсюда нужно ждать точку роста. Но, с другой стороны, если опять будет сильный крен в антизападническое православие – этого я опасаюсь. Потому что тогда мы снова потеряем путь контакта. Я боюсь этого.

– А.П.: Проект модерна – он тоже рождался из религиозной философии. Это придавало какую-то серьезность в отношении к бытию. Если от философии ждать того, что мы от нее ждем – метафизики, то это возможно, наверное, только в лоне религиозной философии. А вот образование философское. Сейчас тяжелые времена, и, может быть, мы это ощущаем первыми, но скоро, наверное, все почувствуют, что идет какой-то откат от философии. Ее вытесняют потихонечку из учебных заведений, из системы аспирантуры: отменили кандидатский экзамен[45].

---

[44] Хоружий Сергей Сергеевич (1941–2020) – физик-теоретик, философ, антрополог, переводчик Дж. Джойса. Исследователь русской религиозной философии, основатель Института синергийной антропологии. Сын партизанки Веры Хоружей и летчика Сергея Корнилова, погибших в начале Великой Отечественной войны.

[45] Кандидатский минимум по философии для аспирантов был отменен с 1 июля 2005 г., вместо него был введен экзамен по истории и философии науки.

– Н.В.: Да, это я знаю. Кстати говоря, это меня очень беспокоит. Хотя я понимаю всю обусловленность этого процесса.

– А.П.: Вы считаете, что это протест против советского уклона?

– Н.В.: Да. Это, правда, запоздалый протест. Я помню, что еще в годы своей относительной молодости я это предсказывала на основании одного простого факта. У нас была и есть кафедра философии Академии наук[46]. Эта кафедра философии включала в себя преподавателей, учивших философии для кандидатского минимума физиков, химиков и т.д. Это всегда было ужасно. Мой собственный сын, который окончил психологическую аспирантуру, учился на этой кафедре. Что там происходило! Я тогда сказала: «Подождите! Эти физики, химики, математики вырастут, станут академиками, и они погонят эту философию». Так и случилось. Они помнят ту «философию». Хотя от них можно было ожидать и более широкой философской образованности. Но ведь они думают так: «Кто преподает на большинстве кафедр?» И они исходят из того, что преподают те люди, которые всё-таки получили диаматовскую и истматовскую выучку, или те люди, которые когда-то преподавали историю партии. Но это старшее поколение. Что касается младшего поколения, то они либо этого не знают, либо предполагают худшее. Эта волна докатилась до нас. Волна диаматовского и истматовского насилия, которое было во всех без исключения вузах. Конечно, грустно и очень обидно за коллег, которые зарабатывали тем самым кусок хлеба, и, вполне возможно, что они его скоро лишатся. Но всё-таки в этом протесте есть немало справедливого. Другое дело, что сейчас это будет происходить самым уродливым образом. Ведь оставили для кандидатского

[46] Речь о Кафедре философии АН СССР – кафедре в структуре Академии наук, фактически ответственной за функционирование кандидатского экзамена по философии в системе аспирантского образования. Несмотря на то, что кафедра формально не входила в структуру Института философии, она всегда размещалась в помещениях Института, ее сотрудники числились по штатным расписаниям вместе с его сотрудниками и получали в нем зарплату. В 2006 г. переименована в Кафедру истории и философии науки.

минимума преподавание философии науки. Я задаю себе вопрос: а вот эти преподаватели, которые должны теперь преподавать философию науки, когда и как они с ней познакомятся? Откуда она к ним придет, эта философия науки? Второе. Там требуется преподавать, скажем, историю физики или историю химии. Есть ли такие специалисты преподаватели – я этого не знаю.

– А.П.: Это должны преподавать сами химики и сами физики.

– Н.В.: Наверное, но, понимаете, это же отнимет какое-то время. Я думаю, что это тоже будет происходить всё некачественно. В общем, у меня много опасений по этому поводу, но повторяю, я думаю, что, как говорится, мы на это нарвались сами.

– А.П.: Встает вопрос о месте философии в образовании вообще. Вы сказали замечательную фразу о том, что Вы книги пишете не только для профессионалов, но чтобы и люди, чуждые профессиональной философии, но интересующиеся ей, могли понимать. И это замечательно, это действительно так! Не требуется ли, на Ваш взгляд, какая-то программа, которая бы объясняла, что такое философия, прививала бы какие-то навыки философского, логического, этического мышления? Может быть, в средней школе? Может быть, имеет смысл как-то перегруппировать, перевести первоначальное знакомство с философией из системы вузовской подготовки в систему школьного образования?

– Н.В.: Я с Вами, Алексей, совершенно согласна. Я думаю, что мы вообще очень мало задумываемся над тем, насколько преподавание философии компенсирует отсутствие каких-то других предметов или другого вида образованности. Например, даже Ницше, который, как Вы знаете, просто громил всю традиционную философию, даже он считал, что изучение философии в школах или в институтах – это обучение культуре мысли, обучение культуре доказательства, логике. Даже он защищал такую функцию философии. Хотя во всех других отношениях не оставлял и камня на камне от так называемой школьной философии. Так вот, есть ли другие способы такого, так сказать, компенсаторного преподавания? Например, я преподаю

в медицинском институте, в третьем меде[47], для аспирантов. И аспиранты узнают о Фрейде и фрейдизме не из своих специальных курсов, они узнают об этом от нас. Если мы это сумеем толково рассказать, то это для них очень интересно и важно. И они прямо говорят: «Нам нигде и никогда это не преподают». В принципе, я им рассказываю, скажем, про античную философию. Это маленький разговор об античной культуре – совсем для них не бесполезный. Они иногда с удивлением узнают, что значат какие-то греческие слова, откуда пошли те понятия, которые есть сейчас. Они с удивлением узнают, что кибернетес – это человек, который руководит кораблем, человек, обеспечивающий функционирование всего хозяйства корабля, его передвижения. Отсюда – кибернетика. Это их удивляет, они этого не знают. И много таких вещей! То есть есть у философии и функция образовательная, культурная функция. Ничего в этом плохого я не вижу. Тем более что сейчас школьное образование вообще – это особая проблема. Однажды одна студентка у меня спросила: «Что такое интеллектуальное? Я такого слова никогда не слышала». Образование – это очень сложная проблема. Есть ведь еще тема самого философского образования. Это специфическая проблема. Я не думаю, что мы сумеем как-то рассмотреть этот вопрос.

– А.П.: В числе прочего Вы сделали замечательное дело – издали прекрасный учебник «История философии: Запад – Россия – Восток»[48]. Компаративистский. На сегодняшний день при всех несовершенствах, которые там есть, это лучший учебник.

– Н.В.: Там много недочетов. Мы сами их и выяснили, выявили. Но как-то не получилось у нас сделать исправленное и дополненное второе издание. Не вышло. Я об этом сожалею, но уже не предпринимаю здесь никаких усилий.

– А.П.: Оказалось ведь не так сложно. Захотели и собрали.

---

[47] Речь о Московском государственном медико-стоматологическом университете, с 2023 г. – Российский университет медицины.

[48] Н.В. Мотрошилова, ред. *История философии. Запад – Россия – Восток*. 4 т. (М.: «Греко-латинский кабинет» Ю.А. Шичалина, 1995). Учебник все же был переиздан в 2012 г. в издательстве «Академический проект».

– Н.В.: Был такой момент, когда это оказалось возможным. Но должна Вам сказать, что я ведь сама написала из четырех томов два с лишним. Это в значительной степени моя авторская работа. А это уже большая претензия. Это значит, что мне нужно было о многом там писать. Конечно, я старалась писать о том, что я более-менее знаю: за некоторые разделы я бы не хотела браться, но пришлось, потому что не находилось автора, которому я хотела бы и могла бы это доверить. Вы же видите, какое количество сейчас учебников по истории философии.

– А.П.: Какой общий тираж Вы получили?

– Н.В.: Он всё время допечатывался, и я теперь не знаю. Но сейчас нет ни одной книги нигде.

– А.П.: Но всё равно это был небольшой тираж? Может быть, от силы десяток тысяч?

– Н.В.: Может быть, больше. Но дело в том, что каждый год его спрашивают. И сейчас уже я говорила с Юрием Шичалиным[49], издателем этого учебника, он как будто бы согласен, что нужно допечатать, но этот вопрос откладывается. Его нигде нет сейчас.

– А.П.: Если бы права были не у Шичалина, а у какого-то издательства, я думаю, что издательство несказанно обогатилось бы. Они бы сделали колоссальный бизнес.

– Н.В.: Я не знаю. Никакого бизнеса ни мы, ни они не сделали на этом учебнике. Но он действительно очень востребован до сих пор. И постоянно мне задается вопрос о том, где его купить, где его взять. Но его нигде нет. Мне кажется, нужно, чтобы учебников было больше, чтобы они были разные, чтобы был выбор. Помните, в советские времена был единственный директивный учебник. Он рекомендован, а все остальные или не существуют, или, если существуют, то отодвигаются на второй план. А сейчас должен быть свободный выбор.

---

[49] Шичалин Юрий Анатольевич (р. 1950) – филолог-классик, историк античной философии, основатель «Греко-латинского кабинета» и классической гимназии в Москве.

– А.П.: Сейчас у нас есть возвращение небольшое к советским временам – стандартизация программ. А раз программы стандартизируются, значит – и учебники.

– Н.В.: Слава Богу, я в стороне от всего этого! Я заведую кафедрой истории философии в Государственном университете гуманитарных наук[50], и у нас ничего не стандартизировано, у нас очень свободный курс, в значительной степени зависящий от того, как мы можем это преподавать. У нас, слава Богу, есть историки философии от и до по всем разделам, по всем эпохам: и Восток у нас, и Запад, и Россия. И мы преподаем на философском факультете с первого курса до последнего – полную историю философии. Мы более свободны в этом отношении от всяких требований стандартизации, догматизации.

– А.П.: Вы знаете ситуацию в Германии. Соотношение философского и политологического на философских факультетах в немецких университетах и у нас. У нас есть такая тенденция, что политология постепенно начинает, особенно в плане конъюнктуры, подвигать философию. Я смотрю, к Вам в ГУГН приходят абитуриенты поступать, и первым делом они спрашивают, где здесь на политологию записываться. Вы считаете этот процесс естественным и неизбежным или это дань моде, дань сегодняшнему прагматизму?

– Н.В.: Я этот процесс больше отслеживаю не сама, а по работам своего сына Андрея Юревича[51], который этим занимается. Он в последнее время хорошо исследовал эту проблему. Он показал, что происходит доминирование ряда дисциплин, в частности политологии. И дал какие-то объяснения, статистику – почему, собственно, это происходит. Это в немалой степени связано с финансовыми проблемами, с актуальностью и востребованностью в политической структуре, со средствами массовой информации. Но в нашем ГУГНе, к сожалению, есть и другая проблема – не думаю, что она есть в Московском

[50] Он же ГУГН; в настоящее время ГАУГН, Государственный академический университет гуманитарных наук.

[51] Юревич Андрей Владиславович (р. 1957) – психолог, доктор психологических наук, зам. директора по научной работе Института психологии РАН, член-корреспондент РАН. Сын Н.В. Мотрошиловой.

университете, – это проблема подготовленности студентов. Я слышу довольно часто от преподавателей кафедры, что очень трудно и неинтересно работать со студентами: как с философами, так и с политологами. Что они просто с большим трудом воспринимают все эти философские мотивы, и им это неинтересно. Я последние пару лет не преподаю, и мне трудно сказать, как именно это всё происходит. У нас очень хорошие преподаватели, и я верю им, что это просто сбивает весь интерес. Поэтому сейчас иногда трудно найти тех, кто хочет читать курсы и кто хочет вести семинары. И политологи более прагматичны, конечно, чем философы.

– А.П.: Мы хотели с Вами пойти прогуляться по Вашей даче, но начинается дождь. Поэтому я спрошу у Вас, несколько перескакивая, Вы здесь с какого года с Юрием Александровичем?

– Н.В.: Мы ее начали строить в 70-х гг.

– А.П.: В это время в советской культуре, конечно, дача имеет особое значение. Так же, как и на кухне московской, так и на даче собирается особая публика, вдали от московских стен. Солженицын живет у Ростроповича. У Вас жили тут Солженицыны?

– Н.В.: Солженицыны и ростроповичи у нас тут не жили.

– А.П.: Но всё-таки было какое-то философское окружение?

– Н.В.: Философская среда здесь была всегда. Потому что, к счастью, в то время все были достаточно подвижны. Не у всех были машины, но все были подвижны. Достаточно молоды. Здесь собирались наши друзья.

– А.П.: Вы рассказывали на Вашем юбилее, что был «салон мадам Мотрошиловой».

– Н.В.: Кем этот термин был рожден, я не знаю, но, кажется, Иовчуком[52]. По крайней мере, мне говорили, что это от него шло, что он говорил, что вот есть «салон мадам Мотрошиловой» – он имел в виду мою московскую квартиру. Он имел

[52] Иовчук Михаил Трифонович (1908–1990) – советский партийный деятель и функционер в области философии, в 1958–1973 гг. – заведующий рядом историко-философских секторов в Институте философии АН СССР. Член-корр. АН СССР.

в виду, что там собирался какой-то круг людей, которые постоянно находились под некоторым подозрением.

– А.П.: Это был философский клуб?

– Н.В.: Нет, это был круг друзей, и ближайшие друзья были, между прочим, философами. На протяжении 70-х и 80-х, отчасти и в 90-х гг., все из этого круга оставались друзьями. За редкими исключениями. Но многих, увы, уже нет. Это Мераб Мамардашвили за несколько лет до его отъезда в Тбилиси. Но даже когда он в Тбилиси уехал, он всё равно у нас постоянно бывал. Потом Грушин. Борис Грушин совершенно замечательный мыслитель и человек, известный социолог, получивший прекрасную философскую выучку, прошедший философскую школу. У него очень умная, необыкновенно красивая и остроумная жена. Она всегда была в центре нашего кружка. Эрих Соловьёв и Женя Фролова – это наша замечательная философская пара. Затем Степанянц[53] и ее муж. Мой муж, Юрий Александрович Замошкин[54]. Я всё время говорю слово «счастье», и это действительно было счастье. Мы были вместе с 66-го г. и до его смерти в 93-м г. Этот человек был для меня всем. Я думаю, Господь Бог специально для меня его создал.

– А.П.: У вас были несколько разные интеллектуальные сферы?

– Н.В.: Это нам очень помогало.

– А.П.: Пересекался ли как-то круг чтения, круг интересов?

– Н.В.: Он был также философом. Хотя он окончил МГИМО, но он читал философские курсы, в том числе по восточной и западной философии, он очень хорошо знал историю философии. Хотя он был социальным философом и социологом. Это человек, который открыл мне Америку. Он мне рассказал, что такое Америка, он знал Америку совершенно блестяще. Он много-много раз там был. Он был почетным

---

[53] Степанянц Мариэтта Тиграновна (р. 1935) – философ, востоковед, историк философии, зав. сектором восточных философий Института философии АН СССР и РАН с 1980 г. по 2012 г.

[54] Замошкин Юрий Александрович (1927–1993) – социолог, специалист в области социальной философии и истории социологии. Муж Н.В. Мотрошиловой.

гражданином нескольких американских штатов. Работал он в Институте Соединенных Штатов и Канады. И оттуда тоже был круг друзей, людей, которые здесь бывали. Например, Андрей Мельвиль[55] был моим аспирантом. Он писал у меня диссертацию по французской философии. А потом он ушел в область американистики и работал у моего мужа. И целый ряд других ребят, которые из философии перешли туда – все они тоже были нашими друзьями. Потом у нас так получилось, что в молодости, как раз когда у нас появился этот дом, этот так называемый «салон», мы дружили, встречались с известными актерами. Например, Галя Волчек, Олег Ефремов. Они здесь не бывали, но мы бывали в том доме, где они постоянно присутствовали, – у Виталия Вульфа, очень известного знатока театра и культуры, блистательного рассказчика. Там мы с ними встречались, и это тоже было очень важное общение. Потом благодаря еще одному дому мы пересекались с певцами Большого театра. Такой был наш круг общения. Мы не пропускали ни одной интересной премьеры, мы были на Таганке всегда. Это была такая более или менее обычная жизнь шестидесятников-семидесятников. Мы читали все эти книги, мы всё вместе переживали. И это было здесь. Сюда часто приезжали гости. 10-го сентября, в день рождения моего мужа, обычно здесь бывала большая компания. Здесь просторно, здесь можно было собраться всем. А теперь я здесь всегда с семьей моего сына. Я очень люблю эту семью. И его, и жену Иру. Это люди, которые, естественно, стоят в центре моей жизни. С ними я солидарна в мыслях, они важны и интересны для меня. Внук теперь растет.

– А.П.: Надеетесь, что он станет философом?

– Н.В.: Нет, у него, по-моему, нет интереса к философии. Он как будто бы хочет быть экономистом. Ему 14 лет.

– А.П.: Сергей Николаевич Булгаков тоже начинал с экономики.

---

[55] Мельвиль Андрей Юрьевич (р. 1950) – политолог, руководитель Департамента политической науки НИУ ВШЭ, профессор, окончил аспирантуру Института философии АН СССР под руководством Н.В. Мотрошиловой в 1995 г. Сын Ю.К. Мельвиля.

– Н.В.: Это было совершенно другое поколение и другое время. Я вспоминаю книгу Розанова «Русский Нил», где он рассказывает о путешествии по Волге и специально – о гимназистах[56]. О чём они общались, что они читали, что обсуждали. Но, по-моему, по сравнению с нынешними школьниками это совершенно другой мир. Может быть, я плохо это знаю. Я не очень хорошо чувствую интеллектуальный интерес.

– А.П.: Я думаю, что он есть.

– Н.В.: Безусловно. Всё это я списываю на свой счет. Здесь более резкая грань, чем между поколением отцов и детей. Деды и внуки, бабушки и внуки. Здесь мы не умеем заглянуть… Иногда я чувствую свое бессилие. Я не понимаю это поколение.

– А.П.: Шкловский говорил, что традиция передается не от отца к сыну, а от дяди к племяннику.

– Н.В.: Для меня этот кусочек земли и этот дом – центр Вселенной. Я вспоминаю, как жила один год в Германии, когда получила премию Фонда Гумбольдта. Я очень ностальгировала, очень хотелось обратно. Мои лучшие воспоминания были о том, как мы с моим другом гуляем по полю. Для меня это было олицетворением…

– А.П.: Это наш русский Шварцвальд.

– Н.В.: Да[57].

– А.П.: Мы недавно снимали кабинет Асмуса в Переделкине, его телескопы.

– Н.В.: Вы знаете, у меня есть воспоминания об Асмусе[58].

– А.П.: Вы были у него в кабинете?

– Н.В.: Я бывала у него не один раз. Последний раз я была у него, когда он умер.

– А.П.: Когда он лежал в гробу.

---

[56] В.В. Розанов, *Сочинения: Иная земля, иное небо… Полное собрание путевых очерков 1899–1913 гг.,* сост., коммент. В.Г. Сукача (М.: Танаис, 1994). «Русский Нил» – цикл путевых очерков, написанных в ходе поездки В.В. Розанова с семьей в июне-июле 1907 г. по Волге и на Кавказ (Кисловодск, Пятигорск).

[57] Здесь еще один обрыв в записи.

[58] См. примеч. 4.

– Н.В.: Он лежал в гробу. Точнее, он лежал на лавке. Не знаю, что это было…

– А.П.: На столе.

– Н.В.: Да. Хоронили его через день. Там никого не было, только его дочь. Он лежал со сложенными руками, и в руках у него был портрет Канта. Его положили в гроб с портретом Канта.

– А.П.: Как обычно кладется икона?

– Н.В.: Да. Я была с Эрихом Юрьевичем Соловьёвым. Мы подошли. На письменном столе лежали рукописи, раскрытые книги. Как будто бы он только что ушел и вот-вот вернется. Там лежали тетради его воспоминаний. Кажется, они частично или полностью изданы.

– А.П.: В книге «Вспоминая Асмуса».

– Н.В.: Да. Но мне кажется, что тех, которые мы читали, там нет. В частности, там были две тетради. В одной был рассказ о родительском доме. Очень живой, красивый, простой рассказ. Помню, было рассказано о том, как они ели, какой был суп, какие были замечательные котлеты. Вместе с тем был рассказ о впечатлениях детства, в том числе экзистенциальных. Пишет, что однажды он смотрел фильм. Фильм очень веселый, все покатывались со смеху. И вдруг он ощутил страх, причину которого он указать не мог. Он почувствовал огромное отчуждение от этого мира. Позже он читал экзистенциалистов, и различие Angst и Furcht[59] стало ему понятным, когда он вспомнил это детское впечатление. Он чудесно рассказывал о том, как они музицировали с отцом, какая манера игры

[59] Метафизический страх, тревога и житейский страх (нем.). Ср. у Э.Ю. Соловьёва: «Житейский страх (Furcht) есть боязнь потерять жизнь или определенные жизненные блага. Онтологический страх (Angst) – это боязнь не найти такое предназначение, ради которого я сам мог бы пожертвовать своей жизнью и благами. “Angst” и “Furcht” есть, таким образом, два вида страха, направленные друг против друга. И основательность, первоначальность “Angst” есть, согласно Хайдеггеру, единственный оставшийся шанс, единственная гарантия того, чтобы люди окончательно не подпали под власть историко-социологических суеверий» (Э.Ю. Соловьёв, «Экзистенциализм (историко-критический очерк)», *Вопросы философии*, № 12 (1966): 82).

была у отца и какая – у него. Затем он чудесно рассказывал об эвакуации во время Первой мировой войны. Кажется, что он был в Казани.

– А.П.: В Саратове.

– Н.В.: Да, кажется, в Саратове. Но почему-то он очень подробно рассказывает о концертах Скрябина…

– А.П.: Он мог играть в Саратове.

– Н.В.: Или Рахманинова. Я уже забыла. Но это были очень красивые воспоминания.

Так мы посидели, попрощались с ним. На похоронах мы не были. Я помню это хорошо. Еще я помню, что Валентин Фердинандович был моим оппонентом по докторской диссертации. Я привезла ему диссертацию, и мы очень интересно беседовали. Я помню, как он жаловался… У него была квадратная комната. По стенам была библиотека. Нижний этаж составляли пластинки в картонных коробках. Он говорил: «У меня такое количество пластинок. Но теперь уже не время пластинок». Тогда уже были магнитофонные записи. Я увидела там телескоп. Он рассказал мне, что этот телескоп они принесли с мужчиной, который ходил к нему колоть дрова. Они перевезли телескоп и в Переделкино, и он созерцал... Я знаю, что он очень часто смотрел на звезды. Телескоп нужно было часто вытаскивать. Опять же этот мужчина помогал ему с этим.

– А.П.: Я увидел в его библиографии статью в «Науке и жизни» «Почему я увлекся астрономией». Я хочу найти ее в библиотеке и прочитать, потому что это очень интересно. В воспоминаниях он рассказывает, что в детстве он часто наблюдал закат, как садилось солнце. В один прекрасный день небо не потемнело. Должна была наступить ночь, на Украине ночь наступает быстро. Ночь не наступила. Было светло как днем. Это противоестественно. Произошло чудо. Случилось что-то выходящее за рамки всех природных законов. Потом он прочитал объяснение, что были некие серебряные облака, которые отражали солнце, поэтому день продлился дольше обычного. Но тогда он действительно почувствовал, что в природе есть «случайная закраина». Рождение философа…

– Н.В.: Еще я помню, как он выступал на моей докторской защите. Он подготовил длинный написанный отзыв на 30 страниц.

Когда он начал читать, то почувствовал, что аудитория не слушает. Люди собрались на защите, думают, что скоро банкет… Он прочитал три страницы и сказал: «Я зачитал три первых страницы моего отзыва. Отзыв – 33 страницы. Теперь я зачту три последние страницы». Аудитория абсолютно притихла. Он стал читать три последние страницы. Кстати, этот отзыв у меня хранится. Он был написан на листочках тетради в клетку. Заканчивался он так: «Асмус Валентин Фердинандович, профессор, действительный член Института философии в Париже». Это был 1970 г.

– А.П.: Эта история с его похоронами. Его отпевали, был священник. Был он человек набожный?

– Н.В.: Я совершенно этого не знаю. У меня никогда не было с ним бесед на эту тему. Я не знаю этой стороны дела. Ничего не могу сказать. Знаю только, что после похорон и отпевания в Университете была масса разбирательств и неприятностей. Как это всегда тогда было. Как хорошо, что мы от этого ушли. Ведь это было не так давно в историческом смысле. Молодое поколение даже не представляет себе этого[60].

– Н.В.: У меня в Москве маленькая квартира. Это и есть так называемый салон. Там самая большая комната 17 метров. А здесь, на даче, я чувствую себя человеком.

– А.П.: Самовары тоже старые?

– Н.В.: Да, это всё старое.

– А.П.: Они работают?

– Н.В.: Да. Юрий Александрович умел с ними обращаться. Он делал по-настоящему, с угольками. Мы делали чай в самоваре. У нас собирались огромные компании. Человек 30 или больше. Всюду были столы, было много веселья. Соловьёв читал здесь свои прекрасные стихи.

– А.П.: Он издавал их?

– Н.В.: Частично. Мы убеждаем его, что он должен издать полную книгу. В этой гостиной он впервые прочитал свои стихи. У нас был обычай. На Новый год мы дарили шуточные подарки. И подарки полагалось сопровождать стихами. Эриху,

[60] Здесь запись вновь ненадолго прерывается.

конечно, выпадала эта доля. Однажды я сделала всем шерстяные колпаки, чтобы в них спать. Сшила из старых свитеров, красиво их расшила. Друзья говорили, что им очень нравилось спать в них на даче, когда холодно. Эрих сочинил стихи к колпакам, которые я считаю великолепными.

Когда среди ночи к тебе подкрадется бессонница
И станет судачить про твой злополучный удел,
Когда за тобою голодная стая погонится
Мыслей и к сроку не сделанных дел,

Когда на всеобщий позор себя выставишь голого
И сразу увидишь, что ты пустоцвет и слабак,
Нырни под подушку и на воспаленную голову
Скорее, скорее напяль стариковский колпак.

Всё будет, как было, но полностью смысл переменится,
И станет целителем то, от чего нездоров.
И за тобою тихо потянется поленница,
По счастью, по лени тобой не наломанных дров.

Чужие успехи задернутся шторами черными,
Свои неудачи как тюлем подернутся сном.
Дела несвершенные, глупости неизреченные
Тебе в утешение последуют слон за слоном.

– А.П.: Настоящий поэтический дар. Недаром фамилия Соловьёв.

– Н.В.: Да. Он талантливейший философ. Вы говорите о сообществе. Это и есть сообщество, близкие друзья. Эрих что-то напишет, я прочту и бываю в восторге. К тому же он отделывает каждую строчку. У него совершенно особый язык, понятийный аппарат. Можно не соглашаться, но скучно не бывает никогда. Сколько мы спорили о тех или иных вещах. Сообщество очень много значит.

– А.П.: У нас записан доклад Эриха Юрьевича на Кантовском вечере.

– Н.В.: Да, блестящий текст.

Мне очень повезло, я руковожу отделом с 1986 г. после Ойзермана. Четыре сектора: западной философии, русской,

восточной и современной философии. Почти 60 человек. На самом деле, один лучше другого. Всё это выдающиеся люди: Соловьёв, Жучков[61], Столяров[62], Оля Голова[63], Тамара Длугач[64]. Это наш сектор. Русский сектор вы и сами знаете: Громов[65], Соболев[66], Лазарев[67]. Затем восточный сектор. Блестящие люди. Мара Степанянц, Смирнов[68], Шохин[69], Лысенко[70]. Всё это звезды первой величины. Или сектор Руткевича[71]:

[61] Жучков Владимир Александрович (1940–2015) – историк философии, специалист в области истории немецкой философии, философии Канта.

[62] Столяров Александр Арнольдович (р. 1953) – философ, историк философии, специалист в области античной и средневековой философии.

[63] Голова Ольга Борисовна (р. 1960) – историк философии, в 2001–2010 гг. ответственный редактор (вместе с М.А. Солоповой) «Историко-философского ежегодника».

[64] Длугач Тамара Борисовна (1935–2023) – философ, историк философии, специалист по философии эпохи Просвещения.

[65] Громов Михаил Николаевич (1943–2025) – историк философии, специалист в области философии и культуры Древней Руси.

[66] Соболев Альберт Васильевич (1936–2019) – историк русской философии, специалист в области философии евразийства.

[67] Лазарев Валентин Васильевич (р. 1937) – историк философии, специалист в области западноевропейской философии и русской религиозной философии.

[68] Смирнов Андрей Вадимович (р. 1958) – философ, историк философии, специалист по исламской философии, руководитель сектора философии исламского мира Института философии РАН, в 2015–2021 – директор ИФ РАН, в настоящее время первый заместитель директора ИФ РАН, президент Российского философского общества. Академик РАН.

[69] Шохин Владимир Кириллович (р. 1951) – философ, специалист в области индийской философии, философии религии, зав. сектором философии религии ИФ РАН.

[70] Лысенко Виктория Георгиевна (р. 1953) – философ, специалист в области индийской философии, зав. сектором истории восточных философий ИФ РАН.

[71] Руткевич Алексей Михайлович (р. 1952) – философ, переводчик, специалист по французской и испанской философии, в 1992–2013 гг. зав. сектором современной западной философии в ИФ РАН, в настоящее время научный руководитель факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ.

Тавризян[72], Козлова[73]. В общем, это самые лучшие историки философии. Я думаю… Впрочем, я не думаю, я совершенно уверена: это не в предположительном смысле говорится. Это тоже моя жизнь, это вторая семья.

– А.П.: Вы это создавали…

– Н.В.: Нет, сектор уже был. Теодор Ильич нас пригласил, когда нас разогнали: Украинцев[74], к счастью, разогнал истмат[75], где мы были с Эрихом Соловьёвым и Гулыгой[76]. И он перевел нас троих на историю философии. За это я ему бесконечно благодарна. Этому, конечно, очень мрачному и плохому человеку. Но я очень ему благодарна. У Ойзермана был отдел. И в 1987 г. он передал мне его. Разумеется, за эти годы отдел работал исключительно хорошо, для этого были все предпосылки. Столько книг. Каждый год примерно по 20–25 книг в отделе. И замечательные статьи. Также наш «Историко-философский ежегодник». Идея, кстати, Ойзермана. В 2005 г. будет 20-й выпуск. Мы существуем уже 20 лет! За это время многие ежегодники возникали и пропадали.

– А.П.: Есть также журнал «История философии».

– Н.В.: И историко-философский журнал… Всё это продолжается. Отдел прекрасный. У нас всегда была очень хорошая аспирантура. Многие проходили через нее. Это, я бы сказала,

---

[72] Тавризян Гаянэ Михайловна (1933–2015) – философ, историк философии, автор трудов в области философии техники, философской антропологии, культурологии.

[73] Козлова Мария Семеновна (1933–2011) – философ-эпистемолог, переводчик, выпускница философского факультета МГУ 1956 г., переводила и исследовала труды Л. Витгенштейна.

[74] Украинцев Борис Сергеевич (1917–1992) – советский функционер в области философии, директор Института философии АН СССР в 1974–1983 гг.

[75] Некоторые подробности этого эпизода см., например, в другом интервью Нелли Васильевны: Н.В. Мотрошилова, «Антиномии в развитии философии советского периода. Интервью с Н.В. Мотрошиловой», интервью Н.А. Татаренко, *Историко-философский ежегодник* 33 (2018): 340–341.

[76] Гулыга Арсений Владимирович (1921–1996) – философ, историк философии, литературовед, выпускник МИФЛИ, один из инициаторов серии «Философское наследие», автор биографий немецких философов (Кант, Гегель, Шеллинг, Шопенгауэр) в серии «Жизнь замечательных людей».

повседневное сообщество. Сообщество не в виртуальном смысле, к которому можно примыслить каждого, с кем соприкасаешься мыслью и делом. А это просто повседневное сообщество, которое всегда над чем-то работает. Есть коллективные проекты. Я думаю, что это особая страница в нашей истории философии.

Мой муж умер в 1993 г. Перед этим он очень тяжело болел два года. Это было страшно. Внешне всё было ничего, но я начала как-то пропадать, болеть. Я очень страдала. Потерять его для меня было… Я не знала, как это будет, как я смогу справиться с жизнью. Но оказалось, что смогла. В значительной степени благодаря сектору, отделу. Они всегда были со мной. Это семья. Совершенно ясно. У нас семейная атмосфера. В этом, без сомнения, есть свои недостатки. Может быть, не хватает жесткой руки.

– А.П.: Субординации?

– Н.В.: Нет, этого не нужно. Каждый работает без всякого подталкивания со стороны.

Вы задали вопросы о том, куда пропадают историки философии. Сейчас не модно идти в эти области. Это правда. Но у меня есть подозрение, что количество сумасшедших, в хорошем смысле этого слова, которые будут заниматься средневековой философией, русской философией, религиозной философией, тем же Гегелем и Кантом, – это величина относительно постоянная. Эти сумасшедшие рождаются, они приходят и работают. Это одержимые люди. Их морят плохой зарплатой, идеологией и так далее. Но они всё-таки выживают. Еще мало сказано и написано о том, какой охранительной силой обладает история философии. Охранительной по отношению ко всем невзгодам жизни. К идеологическим невзгодам, переменам в личной жизни, может быть, трагедиям. Уж точно охранительным по отношению к влиянию идеологии, которая может что-то диктовать, распределять почести и посты соответственно собственным критериям. Но когда человек приходит в историю философии и читает тексты Декарта, то что бы он ни писал, как бы ни изощрялся, но Декарта читать надо. А значит – надо прочитать также Спинозу и так далее. Над этим нужно подумать. Потом приходят более строгие критерии: Декарта нужно прочесть

также на латыни и по-французски, сравнить терминологию, которая переведена на русский язык. Так одно соединяется с другим, появляются профессиональные требования и интеллектуальная среда. Если человек этого не может, то он сюда не приходит. А если приходит, то это охраняет его от всего остального.

– А.П.: Уровень сейчас повышается. Может быть, сейчас он выше, чем был до революции.

– Н.В.: Иногда у меня большая тоска по тому уровню, который был в дореволюционной российской философии.

– А.П.: Например, собрание сочинений Чаадаева. Как Вы оцениваете двухтомник Каменского[77]? Это выше, чем издание Гершензона[78].

– Н.В.: Это правда.

– А.П.: Хотя бы потому, что Гершензону было лень пойти в архив Пыпина[79] и увидеть, что там есть неизданные «Философические письма».

– Н.В.: Скажем, Ваши три тома Соловьёва[80]. Я считаю эту работу классической.

– А.П.: Есть объективные критерии, которые не позволяют сейчас делать то, что можно было делать в 1980-е гг.

– Н.В.: Это правильно. Здесь я согласна. В издательской и академической работе культура чрезвычайно повысилась. За последние годы вышли издания Соловьёва. Двухтомник и Ваше полное собрание сочинений – это небо и земля.

---

[77] П.Я. Чаадаев, *Полное собрание сочинений и избранные письма, в 2 т., отв. ред. З.А. Каменский* (М.: Наука, 1991).

[78] *Сочинения и письма П.Я. Чаадаева*, в 2 т., под ред. Мих. Гершензона (М.: Путь; Товарищество Типографии А.И. Мамонтова, 1913–1914).

[79] Пыпин Александр Николаевич (1833–1904) – литературовед, этнограф, академик Петербургской Академии наук, соредактор журнала «Современник» (с Н.А. Некрасовым), двоюродный брат Н.Г. Чернышевского. В пыпинском архиве хранились копии всех восьми «Философических писем» Чаадаева, сделанные М.И. Жихаревым. После смерти Пыпина архив попал к его зятю Е.А. Ляцкому, оттуда в 1926 г. в Пушкинский дом, где они были обнаружены Д.И. Шаховским, опубликовавшим пять неизвестных ранее писем в серии «Литературное наследство».

[80] В.С. Соловьёв, *Полное собрание сочинений и писем*, в 20 т. (М.: Наука). Т. 1: 2000. Т. 2: 2000. Т. 3: 2001. Собрание не завершено. Вышел также: Т. 4: 2011.

– А.П.: Одно надстраивается над другим. Если бы не было Гершензона, то не было бы и Каменского. После нельзя делать хуже, чем было раньше.

– Н.В.: Да, я считаю так же.

Список литературы / References

Арефьева, Г.С. *Москва. Эпоха великого перелома: повседневная жизнь глазами молодежи 30-х гг.* М.: Изд-во МЭИ, 2013.

(Aref'eva, G.S. [*Moscow. The Era of the Great Turn: Everyday Life through the Eyes of the Youth of 1930-s*]. Moscow: Moscow Power Engineering Institute Publ., 2013 (in Russian)).

Блауберг, И.И., ред. *Вспоминая В.Ф. Асмуса*… М.: Прогресс-Традиция, 2001.

(Blauberg, Irina I., ed. [*Remembering Valentin F. Asmus*…]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2001 (in Russian)).

Кант, Иммануил. *Сочинения на немецком и русском языках*. 5 т. Под редакцией Н.В. Мотрошиловой и Буркхарда Тушлинга (М., 1994–2019).

(Kant, Immanuel. *Werke. Zweisprachige deutsch-russische Ausgabe*. Herausgegeben von Nelly Motroschilova und Burkhard Tuschling. 5 Bde. Moscow, 1994–2019 (in Russian and German)).

Корсаков, С.Н. «Деканы философского факультета МГУ». В *Философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. Страницы истории*, под редакцией А.П. Козырева, 90–107. М.: Изд-во МГУ, 2011.

(Korsakov, Sergei N. [«The Deans of Moscow University's Faculty of Philosophy»]. In [*Faculty of Philosophy at Lomonosov Moscow State University. The Pages of History*], edited by Alexei P. Kozyrev, 90–107. Moscow: Lomonosov Moscow State University Publ., 2011 (in Russian)).

Мотрошилова, Н.В. *Социально-исторические корни немецкой классической философии*. М.: Наука, 1990.

(Motroshilova, Nelly V. [*Social and Historical Roots of the Classical German Philosophy*]. Moscow: Nauka Publ., 1990 (in Russian)).

Мотрошилова Н.В., ред. *История философии. Запад – Россия – Восток*. 4 т. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю.А. Шичалина, 1995.

(Motroshilova, Nelly V., ed. [*History of Philosophy. West – Russia – East*]. Moscow: Museum Graeco-Latinum Publ., 1995 (in Russian)).

Мотрошилова, Н.В. *«Идеи I» Эдмунда Гуссерля как введение в феноменологию*. М.: Феноменология – Герменевтика, 2003.

(Motroshilova, Nelly V. [*Edmund Husserl's* Ideas I *as an Introduction to Phenomenology*]. Moscow: Fenomenologiya – Germenevtika Publ., 2003 (in Russian)).

Мотрошилова, Н.В. *Мераб Мамардашвили: философские размышления и личностный опыт*. М.: Канон+, 2007.

(Motroshilova, Nelly V. [*Merab Mamardashvili: Philosophical Meditations and Personal Experience*]. Moscow: Kanon+ Publ., 2007 (in Russian)).

Мотрошилова, Н.В. *Мыслители России и философия Запада*. М.: Культурная революция, 2007.

(Motroshilova, Nelly V. [*The Thinkers of Russia and the Philosophy of the West*]. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2007 (in Russian)).

Мотрошилова, Н.В. *Рождение и развитие философских идей*. М.: Политиздат, 1991; 2-е дополненное издание: М.: Канон+, 2010.

(Motroshilova, Nelly V. [*The Birth and Development of Philosophical Ideas*]. Moscow: Kanon+ Publ., 2010 (in Russian)).

Мотрошилова, Н.В. «О довоенном и военном детстве, учебе, золотой поре советской философии и цивилизационном кризисе современного общества». Интервью А.В. Черняева. *Устная история*, 30 октября 2013. https://oralhistory.ru/talks/orh-1629.pdf.

(Motroshilova, Nelly V. [«On the pre-War and post-War Childhood, Golden Age of Soviet Philosophy and Civilisational Crisis of the Modern Society»]. Interview by Anatoly V. Chernyaev. *Oral History*. 30 Oct., 2013. https://oralhistory.ru/talks/orh-1629.pdf (in Russian)).

Мотрошилова, Н.В. и В.А. Лекторский. «Мемуарная встреча: философия в СССР. 1945–1970». Интервью А.П. Козырева. Канал «Центр Соборная палата», на *Youtube*. 26 мая 2018 г. https://www.youtube.com/watch?v=wCl1Nz1JkM4.

(Motroshilova, Nelly V. and Vladislav A. Lektorskiy [«A Memorial Meeting: Philosophy in USSR in 1945–1970»]. Interview by Alexei P. Kozyrev. The «Tsentr Sobornaya palata» channel on *Youtube*. 26 May, 2018. https://www.youtube.com/watch?v=wCl1Nz1JkM4 (in Russian)).

Мотрошилова, Н.В. «Антиномии в развитии философии советского периода. Интервью с Н.В. Мотрошиловой». Интервью Н.А. Татаренко. *Историко-философский ежегодник* 33 (2018): 337–360.

(Motroshilova, Nelly V. «Antinomies in Development of Philosophy of the Soviet Period. Interview with Nelly V. Motroshilova». Interview

by N.A. Tatarenko. *History of Philosophy Yearbook / Istoriko-filosofskii ezhegodnik* 33 (2018): 337–360 (in Russian)).

Розанов, В.В. *Сочинения: Иная земля, иное небо… Полное собрание путевых очерков 1899–1913 гг.* Составление и комментарий В.Г. Сукача (М.: Танаис, 1994).

(Rozanov, Vasily V. [*Works: A Different Earth, a Different Heaven… The Full Collection of the Travelogues*]. Collected and commented by V.G. Sukach. Moscow: Tanais Publ., 1994 (in Russian)).

Соколов, Б.В., сост. *Булгаковская энциклопедия*. М.: Локид; Миф, 1997.

(Sokolov B.V., coll. [*Bulgakov Encyclopedia*]. Moscow: Lokid Publ; Mif Publ., 1997 (in Russian)).

Соловьёв, Э.Ю. «Экзистенциализм (Историко-критический очерк)». *Вопросы философии*, № 12 (1966): 76–88, № 1 (1967): 126–139.

(Soloviov, Erikh Yu. «[Existentialism (Historical and Critical Overview)]». *Voprosy Filosofii*, No. 12 (1966): 76–88, No. 1 (1967): 126–139 (in Russian)).

Сочинения и письма П.Я. Чаадаева. В 2 т. Под редакцией М. Гершензона. М.: Путь; Товарищество Типографии А.И. Мамонтова, 1913–1914.

([*Works and Letters of Pyotr Ya. Chaadayev*]. In 2 vols. Edited by Mikhail Gershenzon. Moscow: Pyt' Publ.; A.I. Mamontov's Publ., 1913–1914 (in Russian)).

Хабермас, Юрген. *Демократия, разум, нравственность: московские лекции и интервью*. М.: KAMI, 1995.

(Habermas, Jürgen. [*Democracy, Reason and Morality: Moscow Lectures and Interviews*]. Moscow: KAMI Publ., 1995 (in Russian)).

Чаадаев, П.Я. *Полное собрание сочинений и избранные письма*. В 2 т. Ответственный редактор З.А. Каменский. М.: Наука, 1991.

(Chaadayev, Pyotr Ya. [*Full Collected Works and Selected Letters*]. In 2 vols. Edited by Z.A. Kamenskiy. Moscow: Nauka Publ, 1991 (in Russian)).

Solovev, Erich. «Freiheit und Eigentum in der Kantischen Rechtsphilosophie». In *Zum Freiheitsverständnis des Kantischen und nachkantischen Idealismus. Neuere Arbeiten russischer Autoren*, herausgegeben von Nelli Motroshilowa, 7–21. Frankfurt am Main: Suhrkamp Taschenbuch Wissenschaft, 1998.